

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ИЗ
ДНЕВНИКА
ТУРЕЦКОГО

САМОУБИЙСТВО
ПО ЗАКАЗУ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Самоубийство по заказу

Серия «Из дневника Турецкого»

текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169346
Самоубийство по заказу: АСТ, Русь-Олимп; М.; 2008
ISBN 978-5-17-048023-4, 978-5-9648-0176-4

Аннотация

В Интернете появляется анонимное письмо солдата, в котором тот рассказывает об издевательствах, которым подвергаются призывники от «дедов» и «дембелей». И предупреждает, что если его вычислят, то убьют, а начальство охотно спишет на самоубийство. Письмо получает широкий резонанс, общественность возмущена и требует немедленного расследования. К поиску подключается Турецкий. И в это время в одной из элитных частей военнослужащих кончает жизнь самоубийством. Сбывшееся предсказание это или случайное совпадение? Но в любом случае оно должно быть расследовано.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	19
Глава первая	19
Глава вторая	38
Глава третья	55
Глава четвертая	78
Глава пятая	89
Глава шестая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Фридрих Евсеевич Незнанский Самоубийство по заказу

Пролог БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

«Я не могу назвать себя настоящим именем и указать место воинской службы, потому что если об этом станет известно, меня немедленно убьют, прежде чем кто-то захочет, а, главное, успеет оказать мне помощь, спасти меня.

Неважно, как мне удалось, – мир не без добрых людей! – но я решился разместить мое письмо в Интернете единственно по той причине, что увидел и понял всю бессмысленность и бесполезность наших общих надежд, будто что-то когда-нибудь может вдруг измениться в этой проклятой российской армии.

Здесь, у нас, царит поистине тюремный произвол. Мы находимся не на воинской службе, а в зоне, где командуют уголовники и силой заставляют всех остальных жить по своим воровским понятиям. Нас, молодых, недавно призванных на службу Родине, за людей здесь вообще не держат, а командиры и «деды»,

то есть старослужащие и «дембели» обращаются с нами как со скотом. Даже хуже, потому что о скотине хороший хозяин хотя бы заботится, а на нас, только еще принявших присягу верно и честно служить России, просто плюют и при этом постоянно и изощренно издеваются.

Если кто-то из вас, читающих мое письмо, увидит молодого солдата с протянутой рукой, который клянчит у прохожих рубль или сигаретку, знайте, что он не попрошайка, он спасает от постоянных и унижительных пыток свою жизнь, – собирает дань для очередного «деда». Не сочувствуйте ему, не проводите душеспасительные беседы, а лучше протяните просимое, от вас не убудет, а ваше сочувствие никому не нужно, оно только озлобляет, и через год этот покорный солдатик сам превратится в «деда» и станет требовать дань от очередных военнослужащих по призыву, которые точно так же будут смертельно ненавидеть его.

И так – до бесконечности!

Именно в этом, как уверены господа офицеры, – единственная разумная логика нашей армейской жизни. Взаимная ненависть, замешанная на страхе, по их убеждению, помогает укреплению дисциплины.

А раз оно так, то будь проклята такая армия!

И вы будьте прокляты – наши командиры-воспитатели, и пусть будет навечно проклято ваше собственное «высокое» начальство!

Ребята! Я обращаюсь к тем, кого только собираются

призывать в ряды защитников неизвестно чего, и неизвестно от кого, знайте, что вам откровенно врут! Врут все, начиная с президента и министра обороны и кончая барышниками из военкоматов. Врут, что офицеры стали жить лучше и теперь имеют возможность заниматься только воспитанием молодых защитников Отечества. Я успел увидеть то, о чем не рассказывают корреспондентам газет и телевидения.

И если у меня будет возможность, в чем я сильно сомневаюсь, то я еще расскажу вам о том, каким пыткам подвергают призванных в армию. Вы узнаете, что значит «сушить крокодила», изображать «музыкального лося» или участвовать в осмотре «однослойной фанеры». Но, наверно, еще интересней вам будет узнать о том, как торгуют своими солдатами наши воспитатели-командиры, как изголяются над нами торговцы-азики на рынках и другие частные лица, на которых мы работаем, и вообще, сколько стоит солдат, и как растет его цена, если он еще что-то понимает в электрике или машинах. И все это оттого, что «отцам-командирам» нужны обыкновенные рабы, которые приносят им немалый доход. И все это знают, но молчат, – армия всегда была особенно сильна своей жестокостью и круговой порукой.

Поэтому, дорогие ребята, призывники! Косите, как только можете, хоть болты глотайте, но не ходите в военкоматы! Вас изуродуют! Вас в прямом смысле изнасилует наша уродская армейская власть! Не слушайте ничьих возражений и обещаний исправить,

искоренить, ибо все они – ложь!

Я знаю, что уже и одно это письмо может мне стоить жизни. Поэтому подписываюсь просто:

Обычный русский парень Андрей Иванов, родом из глубокой провинции.

P.S. Если со мной что-то случится, в Интернете появится второе и последнее мое письмо, в котором я уже подробно расскажу обо всех, творящихся в нашей части ужасах и поименно назову участвующих в них командиров – старших, младших, а также уголовников-«дедов», творящих в армии беспредел. А как это сделать? Я думаю, что еще успею найти возможность войти в сеть.

Дорогие мама и Ланочка, вы одни сейчас поймете, кто я. Но – ради всего святого! – молчите! Не приезжайте сюда и не пишите мне больше ни в коем случае. Я сам буду сообщать по мере сил. У нас за всем следят и все письма читают. А я хочу перетерпеть, чтобы выжить и остаться человеком, а не скотиной. Иначе мне – смерть. Либо я сам, в совершенно уже исключительных, вынужденных обстоятельствах, не выдержу и пушу себе пулю в лоб, прихватив заодно с собой и своих особо ненавистных моих мучителей, либо меня закажут, а потом спишут на самоубийство. У нас в части, рассказывают, подобное уже случалось. И каждый раз – одно и то же: все концы прятали в воду, ибо военным прокурорам хорошо известно, что выносить сор из армейской избы не положено. Даже когда сор кровавый.

Но ты, мама, если тебе скажут, что я сам лишил себя жизни, все-таки не верь. И вообще, никому не верь! Такие самоубийства по заказу – привычное дело в нашей доблестной российской армии...»

– Степан Серафимович, – сказал в телефонную трубку министр обороны, – если у вас имеются несколько свободных от срочных дел минуток, я мог бы попросить вас подъехать ко мне, сюда?

– Здравствуйте, Сергей Иванович, – приветливо отозвался главный военный прокурор, естественно, сразу узнав голос министра. – Разумеется, подъеду. Вы, надо понимать, у себя, в... в Арбатском военном округе? – позволил себе пошутить он.

– Так точно, – пошутил и министр.

Он говорил негромким, спокойным голосом, старался никогда не проявлять на людях откровенных эмоций, большинству общавшихся с ним казался неторопливым и вдумчивым собеседником, и даже в тех редких случаях, когда действительно сердился, глаза его продолжали доброжелательно улыбаться. Может быть, он тем больше и пытался сохранить внешнее спокойствие и свою, ставшую уже привычной для прессы, чуть снисходительную усмешку, чем сильнее клокотало у него внутри возмущение. Сейчас был как раз тот самый случай. Правда, скрывать свое раздражение в настоящий момент было не перед кем, скорее, это выходило само собой, уже по привычке. Потому что когда после легкого сту-

ка в огромный кабинет заглянул, а затем и вошел помощник, генерал Дудкин, Сергей Иванович бросил ему резко и отрывисто:

– Башку оторву! Эт-то что у нас творится?! – и министр яростно ткнул карандашом в пачку валяющихся перед ним газет, – не лежащих, как обычно, в определенном порядке, слева, в стопке свежей прессы, а именно вот так – валяющихся вразброс на полированной поверхности письменного стола.

Генерал молчал, вытянувшись по стойке смирно. Уж это он мог. Последнее, что еще осталось от штабной молодости. Но стоять вышколенному генералу навтыяжку перед человеком, одетым в гражданскую одежду, пусть он и министр, да еще выслушивать при этом совершенно невразумительные претензии, было все-таки не с руки. И Павел Ефимович Горленко, внимательно глядя в глаза «хозяину», посторонне подумывал о том, что скоро, по самым уже достоверным слухам, время этого «штатского» военного министра подойдет к концу. И, слава Богу! Вся эта болтовня насчет того, что в военное время министром вооруженных сил должен быть солдат, а в мирное – «штафирка», – пустое. Это у них там, в Америках всяких, может, и пройдет. Так они и войны ни одной не выиграли. И все их генералы – для Голливуда. Пора, давно пора порядок дома наводить...

Разумеется, Дудкин знал, о чем сейчас идет речь, с утра – суматоха в министерстве. Пресса перепечатывает солдатское

письмо из Интернета, комментирует, звонят все телефоны, бесконечные запросы и вопросы, будь они неладны! Никто ничего, естественно, не знал толком, хотя задания в соответствующие службы были розданы немедленно. Знали же, что нынешний министр из «лубянских» служб, а там это дело очень даже уважали и ценили. И, тем не менее, встречными вопросами генерал не торопил министра. Пусть выскажется. Хотя и так ясно, что он скажет. Ну, конечно, мировое общественное мнение! Совет Европы! Права человека!.. Как давно все это уже надоело... Армия есть армия, и не хрен в ней церемонии разводить! Придумали еще с этим... с Интернетом! Это ж только вообразить! Всякий, кто хочет, выходит, может теперь обос... своего командира?! И ничего ему за это?! Доигрались с демократией, мать их!..

Ах, ну да, как же, как же! Все те же вопросы, запросы, Страсбургский суд по правам человека!.. Комитет солдатских матерей!.. Так этих же б... на пушечный выстрел нельзя к воинской части подпускать! Да кому теперь до этого дело?... Развалили армию... и такую армию!.. Только и осталось Григорию Павловичу, что молча ностальгировать теперь по ушедшим годам славы и величия...

Риторические вопросы министра, собственно, никакого конкретного ответа от помощника и не требовали: за Интернет, или как там его, отвечала определенная служба, так пусть же сама и отвечает. Выясняет, что, кто, да откуда. У них там шустрые ребятки сидят, вот пускай и пашут. Глав-

ное, что указание отсюда последовало вовремя, ни минуты проволочки. Все по-военному: ать-два! Неизвестно, правда, как там они сумеют разобраться, но раз приказано, им деваться некуда. Есть у них какие-то свои приколы, как говорится. В сложных вопросах мировой электронной сети генерал Дудкин не «просекал», да и не стремился к этому, уже в силу одного своего возраста, стремительно приближавшего его к долгожданной пенсии и новым перспективам в личной и частной жизни. В армии каждый должен четко знать свое место и содержать его в полном порядке, вот тогда и будет армия, а не стадо этих...

– Ну, хорошо, – сказал, наконец, министр, выразив тем самым свое мнение по поводу того, что помощник понял все правильно и может быть пока свободен.

Григорий Павлович четко кивнул и, повернувшись кругом, вышел из кабинета, усвоив только то, что через несколько минут сюда, на Арбат, прибудет военный прокурор, и его надо пропустить вне очереди. Поскольку очередь-то все-таки была. Но больше не по армейским делам, а по тем, которые курировал военный министр уже в качестве заместителя председателя правительства. Торопятся? Ничего, подождут. Есть дела и поважнее...

Узнать, что ли, появились ли новости по этому... Интернету?... Сами позвонят... нечего баловать вниманием.

Выходившему из кабинета министра генералу почему-то пришла на ум картинка из сериала, который смотрел вчера

вечером, поздно уже, после ужина. Это про Понтия Пилата, которого совсем старый уже артист Кирилл Лавров играет. А почему вспомнилось? Да вот же до сих пор никак не мог ответить себе на вопрос Павел Ефимович. И вопрос не то, чтобы сложный, а ничего не говорится, ни в кино, ни у писателя, чтоб стало совсем понятно. Речь вот о чем.

Ну, когда Пилат, стало быть, поручил начальнику своей тайной службы Афранию, убрать Иуду, который выдал священникам самого Иешуа, – то есть, надо понимать, Иисуса Христа, а как же, все на это дело указывает, – он потом в качестве награды, – так у них в ту пору принято было награждать, – подарил перстень. Как бы орден вручил. Все путем. Большой перстень и, значит, дорогой. А этот Афраний, выйдя уже на лестницу, посмотрел на перстень, да и выбросил его к едреной матери. Вот почему? Он же приказ выполнил? С порученным делом справился. Ну, как бы директор ФСБ выполнил личное поручение президента, а потом взял, да и выбросил орден, к примеру, «За мужество». С какой стати? И, значит, чего же тогда получается? Убрать предателя – неправильно? Или перстень тот был хоть и большим, но фальшивым? Ничего понять нельзя.

Григорий Павлович потом, когда кино кончилось, нарочно к дочке в комнату пошел, книжку нашел эту – про мастера и Маргариту, специально нужное место отыскал. Прочитал два раза, а снова ничего и не понял. А если непонятно, то зачем писать? И показывать? Утром дочку спросил, – умная,

юристка, в прокуратуре работает, – а та отмахнулась: мне б, сказала, папунчик, твои заботы! Там моральная сторона... Вот так, отмахнулась и не стала объяснять дальше свою точку зрения. У них же ни черта не поймешь, у этого нового поколения. Да и мораль своя какая-то – шиворот навыворот... Ох!.. Вздохнул генерал. Эти-то – ладно, они молодые. А вот когда солдаты заговорили о морали, тут, считай, вовсе гиблое дело... И по ТВ только об этом и талдычат...

– Вам придется немного подождать, – строго предупредил Дудкин поднявшегося ему навстречу молодого человека с надменным взглядом – из тех, небось, что знают себе цену. Ничего, и не такие ожидали своей очереди. – У министра сейчас ответственный телефонный разговор, а затем будет короткое, важное совещание. Я полагаю, минут двадцать у вас есть. У нас отличный буфет. Господа, – повернулся он к остальным, – это вас тоже касается.

Вовремя предупредил. Едва народ поднялся, в приемной появился озабоченный Федоровский, главный военный прокурор – в мундире и с черной папкой в левой руке.

– Здравия желаю, Григорий Павлович, – негромко произнес он, легко коснувшись кончиками пальцев козырька своей фуражки и снимая ее, чтобы оставить на вешалке. – Как? – он кивнул на двери кабинета.

– Прошу, вас ждут, – ответил Горленко и сам открыл прокурору дверь. У генералов своя система взаимоотношений.

Кто-то узнал Федоровского, шепнул соседу, и народ огля-

нулся, а затем потянулся в буфет. Некоторые уже видели сегодняшнюю прессу и могли себе представить, и какой был телефонный разговор, а главное, с кем, и зачем вызван военный прокурор...

Между тем Федоровский вошел в кабинет, вытянулся, но министр вышел из-за стола и протянул прокурору руку.

– Садитесь, Степан Серафимович, – пригласил министр, возвращаясь на свое место. – Видели, надеюсь?

– Так точно, – по-военному ответил прокурор, кивая при этом. – Мое мнение: следует провести тщательное расследование. Если автор – не психический больной, призванный по очередной ошибке Организационно-мобилизационного управления, то может повториться весьма неприятная история, которую в позапрошлом и прошлом году расследовала военная прокуратура Дальневосточного военного округа. Некоторым образом аналогичное дело.

– А это не может быть четкой и продуманной провокацией, имеющей целью... ну, вы меня понимаете?

– Не думаю, Сергей Иванович. Хотя точки зрения сейчас будут высказываться полярные. Но, главным образом, не в пользу армии, как таковой.

– Надрыв определенный, вы чувствуете? – спросил министр, беря в руку одну из газет и разворачивая ее. – Вот, посмотрите... концы в воду... никому нельзя верить... кровавый сор... У парня явно не в порядке со здоровьем. А как вы думаете искать его?

– Ну, вам ли мне рассказывать, Сергей Иванович, – чуть улыбнулся Федоровский, намекая на «лубянское» прошлое министра. – Анализируем в настоящий момент. Думаю, зацепочки будут. Меня другое беспокоило, Сергей Иванович, – прокурор словно бы потупился.

– Что именно? – насторожился министр.

– То обстоятельство, что вся пресса, словно, простите, оглашенная накинута на наше министерство. То не нравится, как они словно смакуют письмо явно нездорового человека. Это нехороший симптом. Вероятно, и реакция общественности последует соответствующая. Вы уже, конечно, прочитали, – прокурор кивнул на газеты на столе. – Честное слово, иногда кажется, что кто-то специально дирижирует подобными кампаниями, большинство которых в буквальном смысле высосано из пальца. И, по моему глубокому убеждению, нам брошен очередной вызов.

Министру понравилось, как прокурор назвал Министерство обороны «нашим». Это могло означать, что и особых разногласий между главной военной прокуратурой и собственным аппаратом министерства также не возникнет в ходе расследования. А не понравилось то, что тот готов считать письмо высосанным из пальца. Оно, возможно, и так, прокурору приходится, вероятно, читать сотни подобных посланий, большинство из которых действительно на деле могут оказаться туфтой или попыткой мести за нанесенные мелкие обиды. А внимания к себе требуют немало. И време-

ни жаль, уходящего на бесполезные расследования. Но как раз в письме этого Андрея что-то показалось Сергею Ивановичу искренним. Уверенность, что ли, уже обреченного человека, и сознающего эту свою обреченность? Нечто интуитивное подсказывало, подбрасывало мысль о том, что речь идет действительно о назревающей трагедии. Впрочем, может быть, так просто кажется, ибо в армию продолжают набирать и уголовников, и нездоровых физически, и просто психически неустойчивых молодых людей с ярко выраженными симптомами, которые вовсе не интересуют работников военкоматов, выполняющих свой план. И как ни приказывай, разогнать этот туман равнодушия к судьбе молодого человека не представляется возможным...

– Что ж, – философски заметил министр, – реакция ожидаемая. Это лишний раз должно убедить нас в необходимости скорейшего перехода к контрактной системе, каких бы трудностей и временных неприятностей нам этот процесс ни доставлял...

Вот, кстати, недавно генеральный прокурор приводил в печати некоторые данные по поводу неуставных отношений, рукоприкладства в прошедшем году в российской армии. Были там и многочисленные примеры «дедовщины». Соответственно, сравнивались цифры официальной статистики по части преступлений и правонарушений за прошлые годы. И по всему выходило, что цифра эта значительно выросла. Что-то около тринадцати процентов! Больше тысячи людей

гибнет каждый год! Необъявленная война?

– А у вас, я помню, несколько иные цифры?

– Да, есть определенные неточности, но мы постараемся обязательно внести поправки, уточнить.

– Ну, оттого, что мы станем с вами уточнять, а не искоренять, положение улучшится, пожалуй, ненамного, – с привычной улыбкой, демонстрирующей, тем не менее, нарастающее раздражение, заметил министр. И прокурор мгновенно уловил интонацию.

– Разумеется, незначительные поправки не отменяют улучшения качества проводимых расследований. Вот и данное дело, которое мы собираемся возбудить сейчас, несомненно, будет способствовать повышению ответственности работников военной прокуратуры на местах. Между прочим, вы, разумеется, помните, Сергей Иванович, что у генпрокурора прозвучала фраза о том, что военнослужащие получают травмы и гибнут, главным образом, не при исполнении обязанностей военной службы, а в ходе работ, – я практически цитирую, – которые проводятся в интересах коммерческих структур, воинских должностных и частных лиц. То есть, это все именно то, о чем, кстати, и сообщает в своем письме аноним. Но эти преступления всегда тщательно скрываются. Вот на что нам необходимо будет обратить сейчас самое пристальное внимание.

– Я с вами согласен, – кивнул министр. – Определите ваших лучших сотрудников для расследования данного дела.

Это и моя личная просьба... И очень бы не хотелось, чтобы это дело превратилось в одно из уже привычных. Я не спорю с вашим профессиональным мнением, но, возможно, не стоит все-таки рассматривать это дело, как очередной вызов нам. Вы меня, надеюсь, понимаете, Степан Серафимович? Президент еще не задал, но, совершенно естественно, обязательно задаст вопрос, который волнует сегодня нашу общественность, и я хочу, чтобы главная военная прокуратура не выглядела спохватившимися новичками. А теперь, если не возражаете, еще один небольшой вопрос, касающийся совсем иных проблем...

Часть первая

ВЫЗОВ

Глава первая

ТУРЕЦКИЙ

Александр Борисович Турецкий, бывший, если кому неизвестно, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры, говоря привычным языком и не касаясь постоянных преобразований в Генпрокуратуре, покинувший примерно полтора года назад свою непосредственную службу в должности первого помощника генерального прокурора в связи с ранением и тяжелой контузией, лежал в кровати и размышлял. А предметом размышлений являлось... Но – по порядку.

Тут следует внести ряд корректив. Лежал он не на кровати, а на диване, и не в больничке какой-нибудь или ведомственном госпитале с обслугой по высшему разряду, а в собственной квартире, в «сталинском» доме на Фрунзенской набережной.

Кстати, по поводу уровней обслуживания. Когда Александр только вышел – сперва, как положено, из комы, а позже – из клиники и вернулся домой, ему позвонил из своей даль-

невосточной тайги Славка Грязнов – лучший друг и отставной генерал милиции. Позвонил, чтобы поинтересоваться здоровьем Сани, и только ради этого, потому что все остальное его уже не интересовало. Ибо там, где ранило Турецкого, погиб, по сути, спасая Александра Борисовича, единственный и, как утверждает истина, горячо любимый племянник Денис Грязнов, а эта печаль и загнала Вячеслава Ивановича за тридевять земель, подальше от людей, с их, никому не нужными теперь, проблемами и суетой.

Итак, он позвонил и справился, как лечили, и каково было обслуживание? А голос звучал тяжело, безнадежно, – равнодушно, в общем. Словно звонил не по доброте, а по необходимости. Ну да, тайга же, а дикие звери – тигры там, маралы, – не собеседники, вот и сидит человек сам с собой. Тогда же и напомнил Саня Славке старинный анекдот – в тему, так сказать, а может, и известный анекдот, возникший, надо полагать, еще на заре Советской власти, когда появились первые крематории, и дело обслуживания покойников было поставлено на поток.

Есть три разряда, по которым обслуживают клиента, сказал он, ничуть не заботясь, что разговор по мобильной связи больших денег стоит. Первый – это когда гроб с покойным везет на черном катафалке шестерка белых лошадей с кучером в цилиндре, а за катафалком следует симфонический оркестр Большого театра с певчими – народными и заслуженными солистами оно же, а венки несет впереди ко-

ней длинная процессия известных людей. По второму разряду клиент едет в простой телеге, обложенный венками и, если лето, то еще и живыми полевыми цветами – васильками там, ромашками, лютиками – для цветовой гаммы. Лошадь – одна. Играет духовой оркестр горпромхоза, фальшивит, но ничего, терпимо. Зимой музыкантам специально спирту дают, мундштуки обтирать, чтоб губы не примерзали. Спирт, естественно, идет по прямому назначению, отчего и с музыкальным слухом у них не всегда порядок. И вот эта процессия, так же как и в первом разряде, движется в сторону крематория. А третий разряд? Это, сказал Турецкий, когда покойный идет в крематорий сам и под мышкой несет дрова. Но до этого момента, добавил он, еще пока не дошло, хотя все – к тому. И с работы уволили, и дома не так, и в душе маразм копится.

Славка тогда, кажется, в первый раз после похорон Дениски засмеялся. Посочувствовал Сане. И тон изменился. Раз человек способен шутить, значит, он жив. А кости целы – мясо нарастет. И дырки зарубцуются, – в первый раз, что ли? ...

Действительно, и заросло, и зарубцевалось. Почти все, кроме душевных травм. Но тут уж время – неторопливый лекарь, иногда другие средства нужны. Да хоть то же Славкино присутствие.

Об этом и размышлял Александр Борисович, прикидывая, как найти способ вытащить обратно, в Москву, Гряз-

нова – теперь уже не «старшего», в отличие от «младшего», коим именовали Дениску, директора частного охранного агентства «Глория», а единственного на всем белом свете. Вячеслав Иванович, как убедился Турецкий, недавно навестив друга в его егерском хозяйстве, вероятно, и сам тяготился собственным добровольным изгнанием, но врожденная гордость не позволяла ему поменять свое, никому теперь уже не нужное решение и вернуться в мир людей. В мир максимально близких ему интересов и дел. Ведь не мог же зря закапывать в сырую землю свой огромный оперативный опыт бывший многолетний начальник Московского уголовного розыска и сам – сыскарь, каких еще поискать.

А как было бы славно, если бы Грязнов вернулся в Москву и возглавил им же самим созданное в начале девяностых годов прошлого, как принято нынче оговаривать, века, сыскное агентство!

Сева Голованов, а вернее все-таки Всеволод Михайлович, пятый десяток не вчера, между прочим, разменял, был замечательным оперативником. Бывший майор спецназа, да не какого-нибудь, а Главного разведывательного управления Генштаба – не баран чихал! – в обходительные начальники, естественно, не годился. Так же, как и его боевые и бесстрашные товарищи-коллеги. А сам Александр Борисович терпеть не мог руководителей всех видов и разрядов. Хоть и являлся генералом от юстиции, а кем же еще мог быть первый помощник генерального? Отставка отставкой, а парад-

ного мундирчика-то с широкими серебряными погонами и большими звездами его все же никто не лишал. Но чисто внешняя представительность в данном случае в расчет никак не шла. Ну, генерал, и что? Ну, известный «важняк» – в прошлом, никуда не денешься. Ну, третье там, четвертое. Однако если нет тяги руководить, ты и не будешь нормальным руководителем. А хорошее дело не должно страдать. Славку бы уговорить... вернуть... Тогда – самое то!..

Турецкий лежал в своем домашнем кабинете. Ирина спала в спальне, – где ж еще спать уставшей женщине, если муж стал нередко в последнее время манкировать своими мужскими обязанностями, для удобства ссылаясь на нездоровье? Чего, к слову, ни отрицать, ни проверить нельзя было, так как и ранение, и контузия время от времени еще напоминали о себе быстрой утомляемостью, всамделишными головными болями, сбоями вестибулярного аппарата, часто беспричинными нервными вспышками и так далее. Но Александр Борисович, тем не менее, мужественно не сдавался болезни, и тогда Ирина Генриховна в полной мере ощущала «возвращение» своего, когда-то очень сильно любимого, а теперь – просто любимого и все же нередко раздражающего ее мужа. Но во всем нужна мера, тогда и радость бывает более впечатляющей.

Эта мысль, если и появлялась, то мельком, поскольку главное, чем была занята голова Турецкого, можно было обозначить, как раздумья о будущем державы и ее руковод-

ства – на всех уровнях, без исключений. Снизу – доверху, или, если угодно, то наоборот: от президента до самого мелкого столоначальника в ЖЭКе, в распоряжении которого находились три метлы и пара совков для сбора валяющихся на тротуарах окурков. И где-то в середине этой почти бесконечной лестницы обозначалась и вышеупомянутая «Глория».

Почему же столь высоко забирались мысли Александра Борисовича? Это хороший, как говорится, вопрос.

Накануне по телевизору он просмотрел несколько обзоров за неделю подряд. Ведущие – разные, мнения – как правило, полярно противоположные, а вот слова и выражения – одинаковые. Отчего так? И при этом каждый из солидных обозревателей в обязательном порядке ссылался на твердые мнения и убеждения «высоких источников», что называется, из «ближайшего окружения». И видные политики, политтехнологи, депутаты и министры, в одиночку и собираясь за «круглыми столами», доказывали, в сущности, одну, в общем-то, очевидную, общую истину. После обозначения которой возникал закономерный вопрос с единственно возможным выводом: почему из всех способов вести диалоги именно Россия всегда выбирала наихудший? Что происходит с нами и в мире, граждане?! Может, это по причине спонтанности и непродуманности принимаемых решений, старательно проталкиваемых снизу вверх? То есть, по правде говоря, якобы непродуманных, ибо многие такие решения напоминают известную старую байку про «киевского дурня»,

который «с чужого воза берэ, тай на свой кладэ», чем и славен? А почему он это «робит»? Так дурень же, сказано! Но, с другой стороны, тот же исторический анализ показывает, что подобная «политика» существовала в России во все века. Примеров – пруд пруди, от удельных князей до первых президентов...

Вот же сделал для себя вывод, а память, как нарочно, подсказывает, что президенты – это «недавнее сегодня», а в голове-то была еще чередка генеральных секретарей! А пафоса! А самомнения! Видно, прав тот, кто сказал, что россиянам здорово кружат головы их поистине необозримые пространства, среди которых так несложно потерять собственную ориентацию... Ну, а где пространства, которых не окинуть оком, да и умом, – прав был Федор Тютчев, поэт и дипломат, – не понять, «аршином общим не измерить», там и Славка на далеком горизонте, – вот она, связь... Все, можно сказать, сошлось. Но удовлетворения при этом Александр Борисович не почувствовал. Во-первых, рано, восьми еще нет, а, во-вторых, вывод-то – малопривлекательный, как ни прикидывай.

И когда пришло это понимание, прозвенел телефонный звонок. Только его и не хватало... Но, в принципе, он означал, что в жизни еще далеко не все потеряно, и кто-то нуждается в нем, в Турецком. В самом деле, не Ирине же станут звонить в такую, прямо сказать, неприличную, рань?! Ну, никакой совести...

Александр Борисович торопливо снял трубку, не желая, чтобы Ирину разбудили. Ей и так нелегко, пусть поспит хотя бы лишний часок. Интересно, а кто бы это мог быть? Турецкий держал трубку на отлете, не поднося к уху и размышляя, кому он мог понадобиться в воскресную рань?

Загадки не оказалось, звонил Костя. То есть заместитель генерального прокурора по следствию, Константин Дмитриевич Меркулов, бывший – уже – шеф Турецкого. Точнее, один из шефов, но если говорить о дружбе, то второй, после Славки, который всегда и везде оставался первым. И это, случалось, вызывало ревность у Меркулова, над чем друзья когда-то подшучивали. Вот и здесь уже – когда-то... года полтора-два еще назад, оно только кажется, что вчера, а события диктуют другое...

Среди многочисленных «алло, алло» Александр Борисович легко распознал Костины интонации. Но сам факт звонка в это время настораживал, и вступать в диалог, честно говоря, не хотелось.

Однако Турецкий откликнулся:

– Не нервничай, Костя, я еще лежу, пока дотянулся... пока чуть не уронил... Что за спешка? Ты на часы смотрел?

– Ах, ну да, это ж ты у нас больной! – Костя и не собирался извиняться. – Я совсем забыл. А что, разве еще рано? Девятый час... скоро!

– Но ведь воскресенье! – веско возразил Александр. – Знаешь, есть такой день в конце каждой недели, которым мы

прежде пользовались редко? И вдруг я ощутил его!

– Не спорю. Ощущай, сколько влезет, – условно согласился Меркулов, – И, тем не менее, скажи, чем ты в ближайшие часы собираешься заниматься?

– У меня сегодня, Костя, утро занимательных вопросов. Думаю, понимаешь ли, и, наверное, продолжу это почти бесполезное занятие. Уж доходу-то оно мне точно не принесет.

– И над чем, позволь спросить, размышляешь? – ирония не ускользнула от внимания Турецкого. Но настроение его оставалось пока благодушным.

– Как тебе сказать? Над судьбами Отечества... Над Славкиной судьбой... Отчасти над своей печалью... – Александр не мог не ткнуть Костю тем фактом, что именно тот, считающийся ближайшим другом и учителем, настоял на выводе Турецкого в отставку по состоянию здоровья.

Тема эта была по-своему «больной» для Меркулова, но Александр, пользуясь каждым удобным случаем, напоминал Косте о его «предательстве».

– Жаль, – ответил Костя. – Не узнаю Григория Грязнова...

– Его, вообще-то, от рождения, прошу простить, Вячеславом кличут, Славкой.

– Нет, это я «Хованщину» вспомнил. Опера есть такая, если ты слышал. Мусоргский написал.

– А, это которую Римский-Корсаков потом за него закончил? По причине беспробудного пьянства классика, да? – «отомстил» Косте Турецкий, проявив, как всегда свое спе-

цифическое, недюжинное знание дела.

– Как тебе не стыдно?! – воскликнул Меркулов. – Ну, никакого уважения к святыням! И они мне еще!..

– Не заводись, Костя, что мне Гекуба? Что тебе Гекуба? Ты же не по поводу безвременной кончины Модеста Петровича в сумасшедшем доме будишь меня, повторяю, ранним воскресным утром? Или по этому Мусоргскому новые обстоятельства открылись? Собираетесь возбуждать уголовное дело? А как у вас там обстоит со сроком давности? Все законно?

– Тьфу! Чтоб ты... – рассердился Меркулов, и Александр понял, что хватит его заводить. Видно, действительно что-то случилось, иначе чего б он стал звонить ни свет, ни заря?

– Ладно, не рычи, я же слушаю тебя, видишь, и трубку не бросаю. Что произошло в вашем славном ведомстве? Или у тебя домашние дела? Помощь какая нужна?

– Ты чем сегодня собираешься заниматься? Если собираешься, – не смог не уязвить Меркулов. Ну, каков вопрос, таков и ответ.

– Честно интересуется? Ну, во-первых, сейчас встану и пойду на кухню готовить кофе со сливками, ибо Ирина спит и видит во сне, как ее несравненный муж подает ей в постель свежесваренный, душистый кофе. А потом? Это, как бы, большой вопрос, который зависит уже не только от качества кофе, но и от способностей того, кто подает. И тут я не смею смущать твой слух намеками.

– Я ж говорю: пошляк! – угрюмо отозвался Меркулов.

– Ну, отчего же? – не согласился с якобы очевидным Турецкий. – Ты просто забыл. А спроси-ка у своей Лели, о чем она думала, когда ты приносил ей в постель поутру чашку горячего кофе с чем-нибудь вкусеньким? Или ты не носил? А может, просто забыл? Возраст все-таки...

В трубке раздалось нарастающее сопение. Плохой признак.

– А я частенько это делал, и всегда благодарность была выше всяких предположений. Честно говорю, Костя, просто личным опытом делюсь. Но ты сам спросил, а я ответил. Поэтому причин для сопения у тебя нет. Будешь говорить – говори, нет – я, может, еще немного вздремну. Перед подачей.

Меркулов, похоже, счел за лучшее побережь свои нервы.

– Ладно, оставим треп, тебя только могила исправит...

– Добавь: хотелось бы, чтобы. Но это уже – из области предположений. Слушаю.

– Ты в последнее время новостные программы смотришь?

– Скорее, слушаю. А что?

– Не обращал внимания на заявления зарубежной прессы по поводу, так сказать, очередного нарушения гражданских свобод в России? И, в частности, в армии?

– А что, небось, по-прежнему клеветают? – Турецкий хмыкнул, а Костя выдержал паузу и продолжил спокойным голосом, который давался ему, – заметно же! – с трудом. За время отсутствия Александра Борисовича в Генпрокурату-

ре Меркулов успел, видимо, отвыкнуть от Саниной манеры «вольного разговора». Чиновник – одно слово!

– Ну, если не в курсе, то и говорим попусту. Тогда я хотел попросить тебя по возможности ничего важного на завтрашнее утро себе не назначать, а подъехать ко мне, в Генеральную. Есть очень серьезная тема для разговора. Думаю, что и для «Глории» ответственной работенка будет далеко не лишней. Как в денежном отношении, так и в смысле престижа.

– Да-а? – протянул Турецкий. – Так чего ж ты – со мной? Ты с Севкой поговори, он у нас исполняет главного, ему и решать, я думаю, что престижно, а что для нас не очень.

– Сева Голованов – это хорошо, но я хотел бы увидеться именно с тобой. Поскольку, кроме престижа, в деле есть щекотливые, скажем так, и не очень приятные моменты для нашего руководства, – ты понимаешь, о ком речь? Да и следствие будет сопряжено, я не исключаю, с определенным риском. Контингент армейский – это я для справки. Словом, нужен специалист твоего класса, а не простой оперативник. Даже с громкими заслугами. Хотя и они тебе тоже могут понадобиться.

– Во-он, как мы заговорили! – изображая обиду, констатировал Александр. – А какого ж хрена тогда увольняли самого ценного, как я погляжу, специалиста, если после его ухода в Генеральной прокуратуре не осталось ничего стоящего пристального внимания? У тебя же мои орлы работают, Костя! Володька Поремский... Рюрик тот же, Елагин, Сашка

Курбатов. Это что, пустые места? А чего мы так тогда старались? Кого воспитывали? Нет, я принципиально с тобой не согласен!

– Не валяй дурака! – всерьез обозлился, наконец, Меркулов. – Я не могу поручать параллельное расследование сотруднику Генеральной прокуратуры. Так ты можешь, или не хочешь, выполнить мою просьбу?

– Личную?

– Ну, хоть бы и так!

– Личную – согласен, так уж и быть, – брюзгливым тоном согласился Турецкий. – Когда подъехать-то? Только учти, у меня масса своих дел. А твоим болтунам и бездарям я помогать не стану. И если ты кого мне в помощники замыслил, лучше сразу откажись от намерения. И потом, раз есть риск, как насчет безопасности моей семьи? Снова их придется прятать?

– Сам решишь. Не думаю, что это потребуется. Хотя ты ж всегда умел находить неприятности на свою шею даже в самых безобидных ситуациях. На твое усмотрение.

– Хорошо, сам и решу, если понадобится. Но у меня есть и встречные предложения. Я уже чувствую – по твоему слишком уклончивому предисловию, что наверняка мне, в смысле, нам, понадобится авторитет Генеральной прокуратуры. Мощи агентства недостаточно. Так что давай – баш на баш. Много не попрошу, но какие-то вопросы все равно возникать будут, из опыта знаю.

– Ну, за моей помощью, вы прекрасно знаете, дело не станет. Только не наглейте. А ты теперь иди и в самом деле приготовь жене кофе, если ты, как обычно, не врал мне только что. И учти, я у Ирины проверю!

– А что, может, и мне стоит позвонить твоей Леле и поинтересоваться, когда ты сам приносил ей кофе в последний раз... не возражаешь?

– Оставь, наконец, в покое больную женщину! – почти рявкнул Меркулов.

– А если больная, надо лечить, а не рычать, господин хороший, – возразил Турецкий. – Отправь ее куда-нибудь на воды, на юг, в хороший санаторий.

А я бы ей тогда, для моральной поддержки, Ирку порекомендовал бы. И чтоб заодно под ногами не вертелась.

– А что? – неуверенно сказал Костя. – Надо подумать...

– Вот и думай, Платон ты наш, Сократович. Я, между прочим, серьезно говорю. Если дело, как ты обмолвился, имеет щекотливый характер, не исключаю моральное давление. Как обычно. Это – не новость. А в таких случаях лучше, чтобы мое наиболее уязвимое место находилось подальше от желающих ухватиться за него. Как это, кстати, случалось уже не раз. Или я не прав?

– Давай завтра и решим. А в твоих соображениях я вижу здравый смысл.

– Ну вот, наконец-то, раскололся! – засмеялся Турецкий. – А то – денежное дело! Престиж! Одни разговоры. Да-

вай, Костя, будь здоров, до завтра... А вообще-то, замечу напоследок, надо бы Славку возвращать в родные пенаты, задержался он там. Об этом все утри и думал.

– Странно, только что хотел тебе сказать об этом, – Меркулов хмыкнул. – И ты все еще говоришь, что мы не понимаем друг друга? – спросил не с иронией – с откровенным сарказмом.

– Я говорю?! – деланно возмутился Турецкий. – Ну, ты здоров врать, Константин Дмитрич, друг ты мой!..

Телефонный разговор на этом закончился, и Турецкий, кинув трубку на аппарат, начал, кряхтя, подниматься.

Зря, наверное, сказал про кофе в койку. Теперь придется действительно варить. Но, с другой стороны, это не такой уж и неприятный процесс, – если взглянуть со стороны и трезвым взглядом. Да и, в самом деле, почему не сделать Ирке приятное? Станный вопрос, раньше никогда им не задавался, просто делал, будто по привычке. Будто по заложенной изначально программе...

Пока кофе готовился, то есть, пока Александр молот кофейные зерна, мыл турку, следил за процессом варки, из головы не уходила фраза о том, что приглашение это Костино имеет в какой-то степени личный характер. Но в расследованиях личные интересы – штука очень опасная и обоюдоострая. Для обеих сторон. А еще это словно бы спасительное для Кости упоминание о Славке Грязнове, – оно тоже оставляет пищу для размышлений. И не в связи ли с этим, но-

вым делом возникло воспоминание о Славке у самого Меркулова? Но что ж это за дело такое? И о чем вчера говорили в вечерних новостях? И, наконец, каким образом возможно совместить денежный интерес и особую щепетильность ситуации по делу, в расследовании которого, очевидно, кровно заинтересована Генеральная прокуратура, если не собирается поручить его своим собственным сотрудникам, а ей требуется ас – нечего стесняться этого слова! – со стороны? Или это Костины «приколы»? Не похоже...

В размышлениях Турецкий едва не проворонил кофе. Успел в последний момент, чему искренне обрадовался. И потому, когда он с подносом в руках, на котором стояли две, исходящие паром, чашечки кофе и тарелочка с несколькими мелкими «изысканными» бутербродиками, тихо вошел в спальню к Ирине, чтобы сделать ей приятный сюрприз, он первым делом увидел улыбающиеся глаза жены. Она полусидела, обложившись подушками, в явном ожидании подношения, и сияла. Из дальнейшего Александр понял, что от нее не утаилась суть телефонного разговора: вероятно, из ответов мужа она без особого труда вникала и в смысл вопросов.

– Вы там с Костей так орали? – спросила она без всякого намека на что-нибудь, тем более, на обстоятельный ответ.

– Ага, – кивнул Турецкий, – дело какое-то, о котором, как я понял, по телефону не говорят. А обставлено было так, будто он меня не «пахать» за хрен знает, какие, коврижки приглашает, а на тур вальса в благородном собрании. Но это

мы еще подумаем, время есть, да и узнать мне кое-что надо будет. Ну, и сама прикинь: зачем это Косте, в кои-то веки, вдруг опытный «следак» потребовался? Свои, что ли, перевелись? Наверняка, собирается какую-нибудь «козу» мне на шею повесить, да и еще, как я понял, связанную с армией, с которой, как известно, шутки плохи, а с себя снять всякую ответственность. И ведь не в первый раз... Ох, хитер... А чем, интересно, военная прокуратура занимается?...

– А лучше тебя все равно у них нет и никогда не будет, – без тени лести констатировала Ирина, чем вызвала на душе у мужа волну истинного морального удовлетворения, как заявили бы в Советские времена. – А еще я слышала невольно, что ты предлагаешь нас с Костиной женой отправить куда-нибудь на юг отдохнуть. Ну, а про то, чтоб я не путалась у тебя под ногами, я просто не расслышала. Так вот, я, наверное, и правда, немного отдохнула бы, Шурик. Да и с Костей вам следовало бы, наконец, как-то помириться. А то – ни то, ни се, и не ссоритесь, и не общаетесь. Нехорошо, вас же целая жизнь связывает. У тебя же нет более верных и честных друзей, Турецкий, а ты будто нарочно разбрасываешься ими...

– Ну, это уж ты – чересчур, – смущенно ответил Александр. – А насчет вертеться под ногами – это же чистая шутка, ты понимаешь... И потом, когда у нас случаются дела, в которых надо быть особенно осторожными и внимательными, вы – самые близкие нам люди, невольно становитесь на-

шим наиболее уязвимым местом. Уж тебе-то это хорошо известно, не так ли, дорогая моя?

– Ты знаешь, – задумчиво сказала Ирина, отпивая кофе, – я как-то решила сосчитать, сколько раз меня похищали. Про неудавшиеся попытки я уж и не говорю. Шурик, а ведь я так и не сосчитала. Но точно – около десятка раз... Кому сказать – ведь не поверят, правда? – и она уставилась на него блестящими глазами. – А особенно памятен самый первый раз, когда мы с тобой еще и расписаны-то не были, помнишь? Я тогда еще родительскую фамилию носила.

– Еще бы не помнить! «Киллерское» дело... А что расписаны, так, может, еще и не были, но что фактически жены – это несомненно. Иначе чего им было воровать-то тебя? А так – жена. Другое отношение... – Турецкий сочувственно покачал головой. – Но, заметь, мы каждый раз тебя вытаскивали. И почти без последствий, верно? Вот я и бояться теперь, поневоле уже, начал, что мое везение не вечно, и все однажды кончается. Именно поэтому я и прошу тебя не сильно возражать, если я вдруг попрошу уехать ненадолго и отдохнуть подальше от Москвы, чтоб никто, ни одна сволочь не нашла, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнула она и опустила взгляд к чашке. А потом продолжила, так и не поднимая глаз: – Я еще и то понимаю, что, кажется, ты напрасно оделся. Ведь еще раннее утро, не так ли? – она лукаво кинула на него быстрый взгляд. Намекнула на то, что на Шурке были уже надеты и домашние

брюки и куртка.

– А это у нас по-военному, – хитро щурясь, быстро ответил Александр, принимая на поднос пустую Иркину чашку, – раз-два – и...

– Мимо! – захохотала Ирина, вспомнив артиста Пуговкина в роли Яшки-артиллериста.

– Наоборот, милая, – веско возразил Турецкий, сбрасывая куртку, – и – в дамки-с! А правильнее сказать – в дамку!

– Хулиган! – радостно воскликнула Ирина, и добавила, уже обнимая его: – Танцор ты мой любимый...

Глава вторая

ИЗ ДНЕВНИКА ТУРЕЦКОГО...

Ирка напомнила... Трудное было дело, с добрым десятком трупов, с высокопоставленными «клиентами» и с такими сюжетными поворотами, что специально и не придумаешь. Как не придумать и второго Евгения Никольского – технического гения и преступника. Да и преступник-то, в общем, не по собственной воле, вот тут уж точно можно сказать, что виноваты обстоятельства, и ничто иное. Эти его поистине фантастические изобретения и... похищение Ирины, жены следователя. И собственное право судить и выносить приговоры... Ну, зачем?! Да, конечно, теперь, за чертой полутора десятков прожитых лет, отчетливо видно, сколь тяжкими и беспощадными были 91-92-й годы. Как со всех сторон выплескивалось тупое озверение, а бандитский промысел становился нормой жизни. И слова, слова, слова... бесконечные речи, становившиеся все той же привычной уже жвачкой, но только теперь прикрывавшей еще более наглое и откровенное воровство... Не повод, так сломя голову бежал бы от этих воспоминаний...

«А, в самом деле, – думал Турецкий, – сколько раз воровали у меня жену? Вопрос, конечно, уже не просто интересный, а, как говорится, вполне основополагающий...»...

Но каким бы он ни был – случайно возникшим или веч-

ным, не сходящим с повестки дня, говоря языком всемогущей канцелярии, а ответить на него правдой и только правдой мог единственный источник, который не врал. Это был личный и тайный дневник, который следователь Турецкий, вопреки всем служебным инструкциям и корпоративным запретам, вел едва ли не с первых своих самостоятельных расследований. А точнее сказать, еще со студенческих лет.

В этих тетрадках он оставлял, прежде всего, конечно, для себя, а может, все-таки и для истории, для потомства, – мало ли, как жизнь обернется? – свои мысли относительно наиболее острых, необычных расследований уголовных дел, – другими ему просто не приходилось в жизни заниматься. Здесь же им фиксировались варианты собственных, особо важных и оригинальных версий тех или иных дел, неожиданные наблюдения и обычные бытовые зарисовки, помогавшие сосредоточиться, иногда даже понять себя, объяснить причину некоторых, не очень ясных поначалу собственных поступков.

Эти записи – не ежедневные и пунктуальные, как у некоторых литераторов средней руки, претендующих на вечность, или у сентиментальных девиц «тургеневского разлива», а нервные, часто отрывочные, правда, иногда и достаточно подробные, но предназначенные исключительно для «личного пользования», – они и составляли основу дневника. А все остальное – так, для своего собственного интереса, заметки для памяти. Иногда – для проверки и некоторых де-

ловых соображений: прежние выводы казались интересными.

Случалось, что в отдельные периоды жизни Александр Борисович, по разным причинам, покидал место службы – сперва Московскую городскую прокуратуру, а позже – и Генеральную, находя для себя вполне достойное, по своим понятиям, место в редакционном коллективе еще недавно молодой газеты «Новая Россия». В ней он, кстати, и до сих пор числился во внештатных членах редколлегии, продолжая время от времени заниматься популяризацией юридических знаний. Так вот, оказалось, что его дневниковые записи разных лет, посвященные некоторым событиям, про которые народные массы, да и господа руководители государства якобы давно забыли, все еще не потеряли своей актуальности, являясь ценнейшим иллюстративным материалом. А что, возможно, и поэтому еще опубликованные в газете статьи Турецкого всегда считались не просто «читабельными» и своевременными, но и отличались доскональным знанием предмета и обилием убедительных фактов, большим количеством оригинальных примеров, что обычно выдает в авторе газетной публикации профессионального журналиста. Именно этот, последний аргумент и выдвигался всегда редактором этого печатного органа, настойчиво звавшего Александра Борисовича сменить профиль опасной работы следователя на хлопотную, но славную журналистскую деятельность. А о конкретном профессионализме вопрос вооб-

ще не возникал: на «творческих подходах» Турецкого уже учили, оказывается, начинающих журналистов.

Дневник... Что-то в последнее время Александр Борисович стал частенько обращаться к нему, заглядывать на странички. Правда, старался делать это тайно от Ирины, чтоб у той не возникло подозрения, будто муж скрывает нечто такое, что имеет к ней самое непосредственное отношение. Для женщины такая постановка вопроса категорически не может быть приемлемой, – это естественно. Вот и приходилось прятать свои потаенные записи в сейфе, вмонтированном в тумбочку письменного стола, ключ от которого Турецкий никогда никому даже и не показывал. Впрочем, время само решит, насколько правильно он поступает...

В принципе, за почти два десятка лет работы следователем по особо тяжким преступлениям, Александр Борисович, уже в силу одной своей профессии, был вынужден многократно и в разных ситуациях изучать дневники, либо просто отдельные записи, которые находили при обыске у некоторых преступников. И в этой связи у Турецкого как-то отстраненно сложилось твердое убеждение, что дневник вообще – это по существу графоманский вариант беседы его автора с Вечностью. Сам не раз говорил с друзьями об этом, кокетливо закрывая глаза, или несколько стыдливо отводя взгляд от «заветной тумбочки». Но графоманство, как таковое, имеет свое твердое и достаточно однозначное определение, как безудержная, болезненная страсть к сочинительству. Только

это – для всех остальных, имея в виду вольных или невольных читателей. А для автора – да, пусть и болезненная, но ведь страсть! Но – истинная! Неподкупная! Великий труд в одном экземпляре... И, если не для следователя, то для врача такой дневник – открытая книга душевной, или иной, болезни. Так что не все тут совсем уж примитивно. Тем более что никто не понуждает графомана навязывать другим свое сочинение, это его собственная прерогатива. А потом – есть же и дневники Достоевского, и Софьи Андреевны Толстой, и... Мемуары – тоже своего рода дневники. Нет, бесполезный спор с самим собой... Турецкий морщился.

Сегодня по причине того, что полностью удовлетворенная и окрыленная в буквальном смысле слова Ирина уже с раннего утра собиралась совершить в эмоциональном порыве какой-то там «шопинг», ну, то есть по магазинам прошвырнуться, что-то поискать себе, чтобы затем приятно удивить, а то и изумить мужа, вызвав у него новый прилив нежных чувств, Александр решил залезть, пока жены не будет дома, в свой дневник. С единственной целью: проверить себя, насколько он прав, вспоминая о случаях похищения собственной благоверной супруги. Уж эти-то факты наверняка, и даже в обязательном порядке, фиксировались им в тетрадках, он был уверен. Зачем ему это потребовалось? А, может, для того, чтобы, в первую очередь, самому себе ответить, наконец, на прямой вопрос: доколе, господа уголовники?!

К слову, как он сейчас вспоминал, все, без исключения,

похищения Ирины, или многочисленные письменные и телефонные угрозы ее украсть с вполне определенными дальнейшими целями производились по одной-единственной причине. Турецкий каждый раз обязан был немедленно прекратить возбужденное им уголовное дело против какого-нибудь очередного дельца, криминального авторитета, а то и откровенного бандита, облаченного в шкуру известного политика или популярного общественного деятеля. Либо полностью отойти от этого дела в сторону. Вероятно, они предполагали, что с другим, вновь назначенным, следователем договориться будет гораздо проще. Всегда одна и та же картина! И всегда похитители выступали в роли благожелательных советчиков с ласковыми гримасами волчьих оскалов. Совершенно не заботясь об этической стороне дела, они, возможно, и не догадывались, что каждое похищение уже само по себе всегда служило поводом для немедленного официального отстранения «важняка» Турецкого от расследования, как лица, слишком заинтересованного в деле, и диктовать свои условия у них по идее не было необходимости. Но самое печальное заключалось в том, что заинтересованные «благожелатели» были абсолютно уверены: сила всегда будет на их стороне, а значит, и договориться с любым другим следователем будет несложно. Вот это и возмущало Турецкого, и злило больше всего. Не то, что так действительно случилось, да и не раз, чего тут скрывать, а то, что они – те мерзавцы – верили в свои безграничные возможности... Как почему-то ве-

рил тот матерый уголовник, рецидивист Барон, который тоже был уверен, что похищение Ирины спасет жизнь инженера Никольского, на которого «охотилась», по правде говоря, не столько и прокуратура, сколько его же собственные, бывшие соратники-подельники, игравшие ведущие роли в руководстве страны.

Александр Борисович долго потом мысленно возвращался к этому делу. Но записал, помнится, только то, что касалось исключительно его собственных переживаний по поводу Ирки. Она ведь уже была тогда беременной, и, тем не менее, эти гады сочли именно вариант похищения наиболее удобным для утверждения своих целей. Нет, не по-мужски это. Поэтому и Александр позже, когда брали Никольского, ни на миг не пожалел этого человека, хотя все ему подсказывало, что тот действительно стал жертвой не им созданных обстоятельств. Но где эти записи? Так вот же...

«...Как я испугался! Показалось, что жизнь закончилась... Но это – сперва. А потом, когда я получил очевидные доказательства похищения, более того, когда этот идиот Барон продемонстрировал мне машину, в которой сидела, залепленная скотчем, Ирина, и продиктовал свои условия, я понял, с кем имею дело. И меня волновала лишь одна единственная проблема: не дай, Бог, чтобы этот бандит действительно осуществил свою угрозу в отношении Ирки. А во всем остальном я уже не сомневался. Раз уж Никольский связал себя с матерым уголовником, да еще бежавшим

из мест заключения, – к тому же не им ли самим и был подготовлен побег? – значит, финал обоих будет естественным, как и все остальное в подобных ситуациях. И однозначным. А честные служаки даже и в их сообществах найдутся. Вроде того Ивана Кашина, который на моих глазах расстрелял Барона, когда тот утаскивал Ирку, приставив к ее голове пистолет.

Но этот урок не прошел и для меня даром. Я понял свои проколы, причем, примитивные, будто был я не замшелым уже профессионалом, а сопливым любителем, тем же графоманом от следственной деятельности.

По большому счету, я сам же и подсказал бандиту решение вопроса. Есть негласное правило: любые секретные сведения в наше время и в нашем государстве, да, впрочем, вероятно, и в других тоже, категорически запрещается доверять телефонному аппарату. Я совершенно упустил из виду, что мой домашний телефон наверняка прослушивался, когда потребовал от Ирки, чтобы она не показывала из дома своего носа, пока за ней не приедет посланный нами сотрудник, Славкин оперативник Федя Маслов. А дальше – условный стук в дверь, долгие и короткие звонки, и так далее. И Барон все это внимательно выслушал по телефону и прислал своего подельника. А Ирка без возражений, и даже, как она после рассказывала, с большим удовольствием последовала за тем парнем. Льстит ведь, оказывается, когда рядом с тобой находится симпатичный телохранитель. А

кто виноват? Да, конечно же, в первую очередь, я сам. И Славка, который убеждал Ирину по телефону послушаться нас и не проявлять самостоятельности. И Костя – большой мастер на уговоры – тоже убеждал и добился своего, доказав, что опасность рядом. Все были правы, а толку никакого, потому что сами и сели в лужу.

Ах, как я костерил себя потом!.. Какие вечные уроки давал! Кажется, и Ирка, наконец, осознала, что у нас вовсе не «мужские игры», над которыми так любят изгаляться журналисты всех мастей, а тяжелейшая и опаснейшая служба. Работа такая, с живой кровью связанная. Неужели, наконец, поняла?... Ну, судя по ее первоначальной реакции, видимо, хотя бы прониклась.

И дай, Бог, чтобы это оказалось действительно так...»

И это было правдой. Но только поначалу, как вспоминал Турецкий. Однако Ирка, несмотря на все ее охи и всхлипы, и тогда, и не раз позже по-прежнему старательно вносила свою лепту, – каким-то прямо-таки умом непостижимым бабьим упрямством, необъяснимой своей самонадеянностью доказывая, что с ней ничего не может случиться. Никогда! Вообще! Хоть кол теши! Вот уж, если возьмет в голову, что ей ничто не грозит, и все предупреждения – сплошная мужская дурь, то ничем, никакими аргументами ее не переубедишь. Ни криком, ни руганью, ни ласковыми просьбами. Характер такой. И как ни объясняй, от этого никому не легче. В первую очередь, ей самой...

А потом, несколько лет спустя, ее снова украли вместе с Нинкой, малолетней тогда еще дочкой, когда они по настоятельной просьбе Александра Борисовича были отправлены Славкой Грязновым в Ригу, к Иркиной тетке, проживавшей в Юрмале. Никто, ни одна живая душа, не могла знать об этой акции. И, тем не менее, их украли, но на сей раз не серьезные уголовники или «силовики», на которых опирались те, кто активно стремился занять место действующего президента России, а обыкновенная шпана. Ну, и чем вся эта история с похищением закончилось? Да ничем. Кроме испуга и нерво-трепки. И зачем было воровать родственников следователя, уму непостижимо...

А ведь он где-то, помнится, записал тогда и по поводу этой Славкиной операции. Интересно было бы найти...

«...Рижская шпана, – ну да, все правильно! – которой поручили увезти и спрятать мою семью, отнеслись к заданию халатно. Ирку с Нинкой притащили в Дубулты, якобы по моей просьбе, и поселили в небольшом съемном домике. А потом разрешили даже погулять по саду, чем Ирка немедленно и воспользовалась. Ей удалось незаметно для сторожей, предпочитавших охлажденное пиво бдительному слежению за похищенными, упросить соседей дать телеграмму ее тетке с сообщением, где она находится. А дальше все было уже делом техники. В Латвию съездили двое Славкиных сотрудников и повязали разбойников, передав их в

руки латышской полиции. И когда стали выяснять личности похитителей, выяснилось, что это таким вот образом проводит свой очередной трудовой отпуск в „свободной от русского влияния“ Прибалтике – на мелких криминальных подработках – провинциальная российская братва.

Мне надо было обязательно увидеть глаза того, кто организовал и оплатил это похищение, – ведь я знал его с детства, причем, его детства, а не моего. Младшенький, любимый сынок Шурочки Романовой, Олежек... А он ведь у меня почти на руках вырос, я с ним в Тарасовке, на даче, в футбол гонял. С ним и его старшим братом Кириллом, которого Олег и убил – взорвал в автомобиле, чтобы не выплыла на поверхность вся та омерзительная уголовщина, «афера века», как ее называли, в которой Олег был одним из главных действующих лиц.

Но не мерзости потрясли, не полнейшее отсутствие раскаянья, – Олег был уверен, что сам президент даст команду немедленно освободить своего молодого советника.

Потрясла его первая фраза при нашей с ним встрече в кабинете для допросов в Лефортовском изоляторе.

– Твои живы и здоровы... Мне сообщили...

– Да, – сказал я, – их спасли от твоих уголовников. Но как же ты мог, сволочь ты распоследняя?

Меня ошеломил его последний монолог. Не потому что он был действительно последним, нет, Олег и позже «выступал», отвечая на вопросы следствия, но я его

больше не слышал, не хотел слышать...

А тогда Олег откровенно смеялся над нами – над мной и Костей, – близкими, почти родными ему людьми.

– Как же вы не понимаете, что продолжаете жить в мире, которого уже давно не существует? И все ваши так называемые принципы, и все остальное – это всего лишь штрихи из области воспоминаний! Мир уже сто лет живет по другим законам – жестким и однозначным. А вы хотите найти какую-нибудь удобную серединку – чтоб и не припекало с одной стороны, и чтоб с другой тоже солнышко пригревало. Не будет так больше! То, что происходит, а точнее, произошло, это закономерный отбор. И никто не виноват, что кому-то не повезло. Просто не повезло, а потому не надо и трагедий...

Это он так – о родном брате, который успел-таки вскрыть уголовную сеть и тайные каналы, по которым огромные государственные средства утекали из России за границу.

Именно это обстоятельство и явилось основной причиной его гибели от «братской руки» – в прямом смысле.

– Видимо, на этом основании вы... – Костя впервые в жизни назвал Шурочкиного сына на «вы», – выносите приговоры другим?

– А вот сейчас вы поняли меня правильно, – спокойно ответил Олег. – Выносил и буду выносить! Потому что хозяин здесь я, а не ваши идиотские

принципы...

Он был абсолютно уверен в своих силах. И ведь, действительно, вскоре последовал сверху приказ: немедленно освободить задержанного и извиниться перед ним! И даже генеральный прокурор в ужасе брызгал слюной и грозил Косте всеми возможными карами, – так испугался за свою собственную шкуру, которой нанес непоправимый урон самочинный поступок его заместителя.

Но Шурочка сама вынесла свой приговор. И недостойному, преступному сыну, и себе, потерянной матери, преданной этим сыном... И сама же привела его в исполнение. О чем она думала, резко швыряя свою «Волгу», в которой находилась вместе с Олегом, в сторону бордюра и ограждения на высоченном мосту через Москву-реку? Никто уже никогда не узнает. Но мы-то догадывались, мы втроем – Костя, Славка и я, – потому что любили эту неукротимую генеральшу, эту замечательную женщину с талантом сыщика от Бога... Сама наказала... Но разве кому-то после этого стало легче?...»

Странное дело: как они, эти новые хозяева жизни, мнили о себе! Даже оказываясь перед столом следователя, продолжали играть придуманные себе роли вершителей судеб, если уж не всего человечества, то в России – наверняка. Но можно иронизировать по этому поводу сколько угодно, однако на поверку так оно ведь, по сути, и было. Жуткие годы... А кому-то – расцвет демократии...

Это, последнее соображение по поводу не просто повышенного, а уже возведенного в абсолют, самомнения пришло в связи с еще одним воспоминанием. Ну, конечно, когда листаешь дневник, какие-то забытые эпизоды встречаются, что-то, естественно, возникает. Вот и тут...

Дело по «Большому кольцу», то есть по МКАД, раскручивали, – это уже в новом веке, несколько лет назад. Воровство автомобилей, подставы, бандиты из автосервисов, оборотни из ГАИ, прочее... Та еще публика... Крепко тогда наехали на организаторов этого преступного промысла на дорогах. А среди них оказались такие деятели, к которым не на всякой козе подъедешь! Вот один из таких тоже организовал похищение Ирины. Причем, даже и не пытаюсь облечь свои действия в какие-то рамки приличия, но явно претендуя при этом на некое подобие джентльменства.

Типичные, наглые менты остановили Иркину машину в районе Савеловского вокзала: не там, утверждают, повернула. Оказалось, что светофор просто не работал. Тогда, значит, не включила поворотник. Словом, пройдите в патрульную машину, там разберутся. В результате Ирке завязали глаза и, сопровождая свои действия привычными для этой категории правоохранителей хамством, матерщиной, угрозами применения насилия за оказанное сопротивление законным властям, на большее фантазии не хватило, – завезли черт-те куда, на Рублевское шоссе, в Уборы. И там ее несколько часов продержали в сыром подвале «новорусско-

го замка». Для чего? Точнее, ради чего? А для того, чтобы затем хозяин дома и, разумеется, нашей сегодняшней жизни, «отдыхающий» теперь уже на зоне криминальный авторитет и лучший друг некоторых олигархов, некто Митяй Соломатин, порассуждав с Ириной о высоких материях, смог настойчиво предложить ее мужу Александру Борисовичу поразмышлять над тезисом, что лучшая музыка – это тишина.

Он знал старый анекдот, когда двое посетителей ресторана попросили руководителя музыкального ансамбля за хорошие деньги в течение получаса исполнять несколько тактов паузы из произведения классического репертуара.

Этот Митяй прекрасно знал, что Ирина по образованию и по основной своей профессии музыкант, и полагал, что более чем прозрачный его намек следователю, ведущему дело, в котором отовсюду вылезали «уши» Митяя, будет понятен: похититель не шутит, он жестко предупреждает.

Он так, до самого конца, сидя уже и в Славкином кабинете на допросе, продолжал считать и верить, что сыщики еще крепко раскаются в своих действиях. Но откуда в нем жила такая уверенность? А оттого, что мы им сами слишком многое позволяем, приходил к единственно верному выводу Александр Борисович. Потому они уверены, что и власть наша государственная ими самими поставлена и ими же, главным образом, контролируется. А ведь практика тех, недавних еще лет, показывала: если криминал не остановить, все к тому и придет. И все уже не шло, а несло, – стремительно

и, казалось, бесповоротно. Романтизация уголовщины и бандитизма в обществе дошла до полного абсурда. Это позже весьма популярные ныне артисты, писатели, «киношники» стали кокетливо и сентиментально объяснять публике, что они вовсе не бешеное «бабло» гребли в бесконечных бандитских, «бригадных» сериалах, а всего лишь «пытались» отразить «некоторые приметы смутного времени». Эпоху, видишь ли, оставить людям на память. Забыв при этом о главном нерве любого творчества – совести... Да о своем призвании, в конце концов. Скверно.

Вот и воспитали в целом поколении неуважение, презрение и даже ненависть к вечным и истинным человеческим ценностям и, прежде всего, к чужой жизни. Не своей, нет, в собственном «героическом» финале этакий молодец видит на главной аллее центрального городского кладбища грандиозный гранитный памятник себе, поставленный благодарной братвой. А если это так, если и всенародно любимый актер утверждает, что роль кровавого бандита в кино помогает ему открыть в себе новые грани таланта, то... куда дальше-то деваться?... Уже не только скверно, но и бесстыдно...

Невеселые мысли подобного рода частенько в последнее время посещали Александра Борисовича. Телевизионные программы он давно перестал смотреть, за исключением новостей. Раздражали бездарные, заранее узнаваемые сюжеты бесконечных и однообразных сериалов, подтверждающих не такой уж и вздорный тезис, будто они и существуют-то

ради показа назойливой рекламы пива и прокладок. Утомляли одни и те же безликие, одинаковые актеры, изредка меняющие разве что только одежду. Неприятны были и известные артисты, на чью долю выпадала неблагодарная необходимость изображать, по меткому выражению известного барда, «местных идиотов», лишенных всякой логики в речах и поступках. Деньги – понятное дело...

Что же оставалось для душевного-то разговора? Так вот и получалось, что единственным собеседником, которому только и можно было доверить свои мысли, оставался дневник. Славки-то Грязнова тоже ведь не было рядом. А Костя? Хоть он и утверждает, что их с Саней разногласия – больше выдумка Турецкого, на самом деле, далеко не все так просто и легко объяснимо.

Но, тем не менее, если у Кости намечается серьезное расследование, которое он собирается поручить Александру, первым делом надо обеспечить Иркину безопасность. Ибо ее безопасность и есть главная составляющая спокойствия ее мужа.

Однако труба уже зовет-призывает. Пора закрывать файл воспоминаний и отправляться на Большую Дмитровку, в «желтый» дом, который с некоторых пор, по вполне понятной причине, не вызывал у Турецкого дружелюбных чувств и приятных ассоциаций...

Глава третья

МЕРКУЛОВ

Он терпеть не мог сочувствия по отношению к себе, – от кого бы оно ни исходило. Да и какой искренности можно ожидать от тех, кто считал отставку не какого-то там дворника дяди Васи, а первого помощника генерального прокурора, государственного советника юстиции третьего класса Турецкого едва ли не своей победой. Ну, или проще – удачей.

Нет, по правде говоря, у него были и друзья в этой «конторе», и не совсем почтительные, но верные ученики, но была и многочисленная когорта завистников и недоброжелателей, считавших все успехи «важняка» результатом исключительно его давних дружеских отношений с Меркуловым. А откровенное, почти показное, пренебрежение Александра Борисовича ко всякого рода внутрикорпоративным сплетням и слухам объясняли его непомерно раздувшимся самомнением. Тем более что Александр Борисович никогда не изображал послушного мальчика и даже генеральному прокурору не стеснялся высказывать свою точку зрения, когда был в ней уверен. Да, собственно, таким его и воспитал Константин Дмитриевич Меркулов – учитель и начальник, и ближайший друг на протяжении почти двух десятков лет.

Таким же, впрочем, был и сам Меркулов, не раз всту-

павший в неравные схватки уже с несколькими генеральными прокурорами, уходя и снова возвращаясь в прокуратуру, в свой прежний кабинет. Не могли – так получалось – без него обойтись государственные руководители разных уровней. Как и он сам не мог обходиться без Сани Турецкого. Это уж теперь, после ранения, отношения приняли неожиданный оборот. Костя требовал, чтобы Саня лечился, не исключая при этом его возвращения впоследствии в Генпрокуратуру, а Турецкий считал, что он практически здоров, и свою отставку объяснял капризами «старцев».

К сожалению, врачи разделяли точку зрения именно «старцев», и это обстоятельство решало вопрос.

Турецкий по старой памяти, как он уверял, еще охотно заходил в Генеральную, но вид имел в таких случаях неприступный и независимый. О просьбах каких-то и помощи даже речи не могло идти. Ну, а когда тебя самого настойчиво приглашает высокое начальство, – это другое дело, тут можно позволить себе и снисходительность по отношению к бывшим коллегам.

К счастью, никого из них ни в кривых коридорах, ни на лестничных площадках, ни в приемной заместителя генерального прокурора не встретилось. Вероятно, это было хорошим предзнаменованием.

А вот вместо привычной секретарши Клавдии Сергеевны, «страдавшей» по Сашеньке Турецкому без малого добрый десяток лет, сидела какая-то молоденькая и не очень краси-

вая девица – излишне худая, на взгляд Александра Борисовича, с большим, узкогубым ртом и немного крючковатым, как показалось, носом, черноволосая. Даже излишне черная, красится, наверное. Словом, что-то восточное, точнее, кавказское. Турецкий обзрел ее мигом и сделал предположение, что это наверняка кто-нибудь из Костиных коллег, – начальников управлений или отделов прокуратуры, в которой представителей гордого Кавказа всегда хватало, устраивает, таким образом, судьбу своего драгоценного ребенка. Поди, пошла по папиным стопам в юриспруденцию, а тут как бы на практике. Много было похожих «деток» – и на побегушках, и в качестве практикантов под рукой и у Александра Борисовича. А может, просто у Клавдии отпуск, и она нашла себе на это время замену.

Странной была другая закономерность: у Кости в приемной никогда почему-то не появлялись красивые девушки. Ну, хотя бы такие, на которых можно было бы с удовольствием глаз положить. Обязательно похожи на ворон. Нет, тут другой фактор, наверное, играет роль. Появись здесь симпатичная мордашка, и Костя решит, что работа прекратится, начнутся всякие шуры-муры, сотрудники станут толочься без дела в приемной, мешать целенаправленно и плодотворно трудиться... Известный мотив.

Но еще больше Меркулова раздражало, когда он видел в прежние времена какую-нибудь обязательно «развратную» девицу в сопровождении Турецкого. Вот тогда сарказму уже

вообще не было предела.

И совершенно зря ему пытались доказать и сам Саня, и тот же Славка Грязнов, если при этом тоже присутствовал, что никакая это была не шлюха, и не любовница кого-то из них, а свидетельница по очередному делу, либо заявительница. Почему-то уродки не вызывали у Меркулова чувства протеста или благородного гнева, а красавицы – всегда. Принципы, ничего не поделаешь!..

– Здравствуйте, милая девушка, – приветливо сказал Александр Борисович, – доложите, пожалуйста, Константину Дмитриевичу, что я пришел.

Раньше Саня именно так и говорил Клавдии. И сейчас он, естественно, ожидал встречного вопроса: а кто вы? И как минимум, улыбки. Но девица с презрительным и высокомерным видом посмотрела на него и ответила сухо, что заместитель генерального прокурора занят. И все – ни чем занят, ни когда освободится, ни вопроса, зачем он нужен незнакомому ей посетителю. Просто опустила глаза в какие-то бумажки перед собой и продолжала их небрежно перелистывать. Даже присесть не предложила. Это уж было слишком.

Турецкий спокойно вынул из кармана мобильник и нашел в меню имя «Костя», нажал на вызов, стал ожидать ответа.

– Меркулов, – без всякой логики сказал Костя, будто с его мобильника мог говорить кто-то иной.

– Привет, Костя. У тебя теперь, гляжу, здесь новые порядки? Что ж не предупредил? Я бы шоколадку, что ли, принес

этой твоей, или проснулся бы пораньше, очередь бы к тебе занял.

Ирония так и лезла из него. Но девица не обращали ни малейшего внимания.

– Не понимаю, о чем ты говоришь? – сухо ответил Меркулов. – А ты сам-то где?

– Я повторяю: в твоей приемной. Попросил доложить о своем приходе, ответили, что господин занят. Вот и думаю: домой возвращаться или без спросу посидеть на стульчике, подождать? А ты чего ж не предупредил эту... девицу? Забыл? Или надобность в разговоре отпала? Ну, так позвонил бы, трудно, что ли?

Я б лучше дома посидел, полечился бы дальше.

Турецкий чувствовал, как в нем закипает злость из-за пустяка, в сущности. Ну, что ему эта ворона? А вот задело же!

– Саня, не валяй дурака и не разыгрывай спектакля. Заходи, я жду тебя.

Турецкий аккуратно закрыл мобильник, сунул его в карман и, сочувственно посмотрев на секретаршу, укоризненно покачал головой и пошел к двери кабинета. Она растерянно привстала, словно желая его остановить, но промолчала, а лицо ее действительно стало напоминать воронье.

– Где ты себе таких набираешь? – с мстительным злорадством спросил Александр, еще не закрывая дверь и понимая, что та все слышит.

– Саня, ну, как тебе не стыдно! – расстроился Меркулов. –

Дверь хоть закрой, неудобно же...

– Кому – мне? Знаешь, Костя, что бывает неудобно делать мужчине, и, кстати, в любом возрасте? – сварливо спросил Турецкий. – Штаны через голову надевать. Учить сперва таких дур надо, а уже потом за стол сажать – руководить. Сидит черт знает что, и воображает себя пупом Вселенной. Нет, ничего не изменилось в этой конторе.

Последнее слово он произнес презрительно, хорошо зная, что Костя именно такого обращения по отношению к прокуратуре абсолютно не терпит. Конторой могло, по его убеждению, быть что угодно, вплоть до ФСБ, но только не Генеральная прокуратура. Так что удар пришелся под дых. Костя сердито засопел, но отвечать принципиально не стал. Это Турецкий увидел, – что принципиально. Но злость его почему-то сразу прошла.

– Садись, пожалуйста... Чаю? Кофе?

– Если из ее рук, то только яд, – уже с юмором сказал он. – А, правда, откуда взял?

Костя поморщился.

– Моя б воля... Клавдия в отпуске. А эта... Луиза – сноха Магомеда. Султанова помнишь? Прочат замом на Следственный комитет. А она на юрфаке учится... Сам очень просил... Нет, ты зря, она многого, правда, еще не понимает, но хоть старается.

– Не понимаю, как это совмещается, – непонимание и старание? Бред какой-то... Приказали, что ли?

Костя почему-то показал пальцем вверх, хотя кабинет генерального был дальше, в торце коридора. Но, может, он Бога имел в виду? Или Аллаха? Тогда, действительно, как отказать?...

Александр с сожалением посмотрел на Костю, покачал головой и безнадежно махнул рукой.

А, в общем, в «конторе», в самом деле, все без изменений, – угадал с первого захода, что называется. Вот и разговор о чае с кофеем сам по себе отпал. Костя либо забыл, либо не счел нужным продолжать неприятную для себя тему, он копался в папке деловых бумаг. Письма, письма, наверняка жалобы... Наконец, достал один лист, внимательно пробежал глазами – уж это он умел делать профессионально: пробежал глазами по диагонали и врубился в самую суть.

Потом он как-то пытливо посмотрел на Турецкого, поджал губы и протянул ему этот лист с текстом, видно, компьютерной отпечатки – это и Александр усек сразу. Глаз-то наметанный.

– Прочитай, Саня, и выскажи свое профессиональное мнение: что это, по-твоему?

Турецкий стал читать. Потом, прочитав и вернувшись к некоторым фразам, еще раз пробежал глазами, отложил лист в сторону и задумчиво посмотрел на Меркулова.

– И что ты хочешь от меня услышать? Не туфта ли это? Не сварганил ли писулю какой-нибудь остряк-самоучка, чтобы поднять очередную волну, а то ему стало скучно?

– Ну, что-то в этом смысле. Сперва давай пройдемся просто по форме самого документа, а потом обсудим существо вопроса.

– Понятно, – кивнул Александр Борисович. -

В принципе, думаю, чисто психологический аспект этого документа, скажем так, тебе было бы лучше обсудить с Ирой. Насколько там обещания соответствуют особенностям темперамента, речи, стилеобразования и прочее. Меня это мало интересует. Мне другое видится...

– Вот и давай о том, что тебе «видится», – нетерпеливо сказал Костя и начал деловито протирать свои очки.

– А уж не собираешься ли ты именно это дело и повесить мне на шею? – с подозрением спросил Александр.

– Обсудим, Саня, обсудим. Давай, высказывайся.

– Первое, что я здесь вижу. Если мы имеем в виду некоего пострадавшего от армейских унижений солдата, то, каков бы ни был уровень его образования и знаний, письмо написано не его рукой.

– Из чего такой вывод?

– А сам посмотри... Слишком много литературы, Костя. Это – не столько крик души, сколько реакция на услышанное. Ну, образно говоря, пересказ оригинала, я понятно изъясняюсь? – Турецкий усмехнулся.

Костя тоже ухмыльнулся, покачал головой.

– Более чем... Я ж вижу, что беседую с профессиональным журналистом. Ну, дальше? Предположим, я согласен

с тобой. Тогда к чему эта угроза совершить самоубийство? Это что, кокетство или человек действительно на краю?

– Я полагаю, что дело обстоит несколько иначе. Человек, со слов которого и составлено письмо в Интернет, заметь, не в прокуратуру, не президенту, не Комитету солдатских матерей, в конце концов, имел другой план. Ну, то, что сказанное – правда, – это вне сомнения. И что тот солдатик в отчаянье, тоже – правда. Но составитель собственно письма рассчитывал исключительно на широкий общественный резонанс. Причем, мировой. Я не залезал в последнее время в Интернет, но почти уверен, что там все пестрит и бурлит от откликов. Нет?

– Ты абсолютно прав, Саня. Значит, считаешь, что за того солдата кто-то старается? А кто это может быть?

– Ну, Костя, – засмеялся Турецкий, – не хочешь ли ты, чтоб я тебе еще и номер воинской части назвал? Тут же так ловко затемнен адресат, что я не уверен в возможности найти этого простого русского парня с популярным именем Андрей Иванов. Если чуть позже не появится второе его письмо – якобы его, – из самого факта появления которого почтеннейшая публика поймет, что «самоубийство» совершилось. И тут поднимется новый шум, ибо все адреса, надо полагать, будут указаны точно, как и фамилии виновных. А может, и не будут. Так и останется бомбой, которая взорвалась, напустив после взрыва немало тумана и ничего более. Ну, и, разумеется, общественного возмущения. Но тогда станет ясно,

что письмо – липа.

– А это не может быть тонким шантажом?

– Знаешь, Костя, чтобы шантажировать таким образом – и кого? Армию? Министра? Президента? – надо быть слишком изощренным и дальновидным... политиком, что ли.

– Либо сердобольной, но не очень умной женщиной, – в тон добавил Меркулов.

Турецкий посмотрел на него с интересом, улыбнулся и сказал:

– А вот здесь ты прав, это мне не пришло в голову. Да, и по своей интонации, и по своеобразному пафосу письмо может принадлежать перу... разуверившейся и уже отчасти отчаявшейся женщине. Она – не молода, не девчонка, но совсем и не старая. Возможно, каким-то образом занимается общественной деятельностью. Но ее вам не найти, даже если бы вы и очень этого желали. Я бы предложил военной прокуратуре, – ведь письмо из Интернета попало именно туда, по принадлежности? – начать с розыска компьютера, с которого отправлено письмо. Нелегко, понимаю, но другого пути просто нет... А тебя-то почему этот вопрос волнует?

– Понимаешь ли, реакция на это послание последовала незамедлительно. И довольно бурно.

– Надеюсь, не от президента?

– Ошибаешься. Дума бюджет готовит. В том числе, и по армейским нуждам. Ситуация в стране и в мире тебе известна. Сейчас к армии особое внимание. И на этом фоне такой

вот, понимаешь ли, афронт. В Министерстве обороны – бурное шевеление. Главная военная прокуратура сходу включилась. В Минобороны посыпались письма протеста. Пресса с новой силой ополчилась на военное руководство, на всю эту «дедовщину», будь она проклята, на отсутствие дисциплины в армии, постоянные грубейшие нарушения прав человека и прочее, не мне тебе рассказывать. Интернет завален уничтожительной почтой. И при этом никто ничего толком не знает. Слово это письмо стало катализатором, а то и спланированной провокацией, вызвавшей волну протеста во всех слоях общества. А кто автор, где он служит, – никому не известно, может, это вообще фигура мистическая, выдуманная. Ну, то есть несуществующая.

– Что ж, – пожал плечами Турецкий, – все может быть. Только одного не пойму, я-то здесь причем? Если ты хотел поделиться со мной своими заботами, ты это сделал с успехом.

– Нет, шалишь, – засмеялся Меркулов, – легко отделаться хочешь, дружок... Вот скажи мне по секрету...

– Это здесь-то? – перебил Александр, насмешливо оглядывая стены Костиного кабинета. – Мы, кажется, не раз обсуждали с тобой, что можно, а чего категорически нельзя доверять нашим телефонам и рабочим кабинетам... Более того, даже разговаривая дома с Ирккой, я, уже по привычке, осматриваю стены, электрические розетки, и думаю, где бы я, например, поставил подслушивающего жучка, либо видео-

камеру. А ты говоришь! Живем в мире тотальной проверки, а вы все о демократии и правах человека талдычите!

– Не говори глупостей. Помню я и прекрасно знаю... А о секрете я сказал фигурально, никакой тайны тут нет и быть не может. Дело в том, Саня, что вчера у меня состоялась встреча с женщинами из Комитета солдатских матерей. Надеюсь, слышал о такой общественной организации... Ну, сам понимаешь, о чем и в каком тоне могла протекать беседа. Они, естественно, возмущены, они сострадают несчастному солдату...

– А итогом ее стало то, что ты клятвенно пообещал им взять под свой личный контроль расследование этого дела. И, поскольку возбудить его без соответствующих данных, безадресно и безотносительно, ты не можешь, тебе требуется для начала отыскать хотя бы какие-то концы, с которых и реально начать расследование. Я прав?

– Как всегда, на девяносто девять процентов! Кроме одного. Им уже занимается главная военная прокуратура. На контроле в министерстве и правительстве. Но женщины требуют другого. Они сомневаются в том, что военная прокуратура выдвинет обвинение против армии, к которой сама и принадлежит. Им нужен честный следователь и объективный розыск.

– Ишь, чего захотели! – засмеялся Турецкий. – Как интересно вопрос-то поставили! Да где? В Генеральной прокуратуре! И с твоих слов, Костя, получается, что главная военная

прокуратура, как неотъемлемая часть Генеральной, не может быть объективной? И не отличается честностью? Интересно!

– Не передергивай! – взвился Меркулов. – Речь только о том, что на нее может быть оказано давление! А нужен следователь, который сумел бы противостоять любому нажиму со стороны незаинтересованных в расследовании этого дела лиц. И провел абсолютно объективное следствие, в котором женщины готовы оказать любое содействие, в том числе и финансовое.

– Ну, и? Саня, включайся? А я не хочу. С военными связываться хлопотно и опасно. Они ж меня уже расстрелять хотели, забыл? И сам же вчера меня предупреждал. Это я, чтоб сразу расставить все точки. И еще – я терпеть не могу Интернет. Он меня раздражает. Ну, скажем, залезть, чтоб посмотреть на этих... которых ты и на дух не принимаешь, на голеньких... еще куда ни шло, а так?... Знаешь, одного грузина спросили, любит ли он помидор. Он ответил, что с шашлыком – да, а так – нэт!

Меркулов улыбнулся:

– Я был уверен, что ты так и скажешь.

– И все равно надеялся переубедить?

– Зачем? Просто попытался объяснить неустрашимому и неукротимому Турецкому, в чем он не прав. А потом, он же не один. В «Глории» полно молодцов, для которых возможные угрозы каких-то военных чиновников – семечки. Или они забыли уже про свое славное армейское прошлое? А, по-

моему, освободить нашу армию от балласта – это и их первейшая забота, как высоких профессионалов. Не так?

– Еще не знаю, скорее всего, не так, но, объективности ради, что-то тут, тем не менее, есть.

– Ну вот, и первый шажок... Кстати, они предлагают на проведение розыска неплохие деньги.

– Неплохие – надо понимать, целых сто рублей?

– Не валяй дурака, они ж понимают, что одна дорога сегодня уже тысячи, десятки тысяч стоит... Черт возьми, к чему идем?... Ладно, – вздохнул Костя – пойдём дальше... Я понимаю, что письмо требует более неспешного и тщательного анализа. Может быть, в самом деле, и Ирину привлечь с ее, пусть и небольшим, опытом криминального психолога. Но, по-моему, кое-какая информация, как бы ни стремился затушевать свой адрес отправитель, все-таки просматривается. Сделай мне одолжение, посмотри текст еще раз, мы ж не торопимся...

Александр Борисович пожал плечами, взял в руки письмо и более внимательно прочитал его, отмечая для себя некоторые зацепки, о которых говорил Костя. Все же, надо отдать ему должное, умеет читать между строк. Старая школа, которой всегда, если не лукавить перед собой, завидовал Турецкий.

А из письма, прочитав его теперь более внимательно, Александр Борисович сумел сделать несколько дополнительных предположений, хотя ни намек на адрес он не нашел.

Но Меркулов ждал с нетерпением, и Саня решил не затягивать и высказать то, что уже пришло на ум.

– Ну, давай попробуем... Начнем с того, что человек ему помогал посторонний, мир же, пишет он, не без добрых людей. И не мужчина помогал, а, скорее, женщина. Присутствует, ты прав, пафосная эмоциональность тридцати– или сорокалетней дамочки. Не простой бабы, а именно дамочки – городской, образованной. Возраст материнский, но писала не его мать, там был бы совсем другой язык. Далее. Мальчик наш домашнего воспитания, упоминая зону и все, с ней связанное, пользуется не личными познаниями и конкретными впечатлениями, а книжками и телевизором. Такая наивная бравада у молодых часто встречается, ее не любят те, кто хорошо уже знаком с Законом на собственном опыте. Возможно, описывая свое уголовное окружение в части, мальчик и сам спровоцировал такое их отношение к себе. А то, что бывших судимых, несмотря на все постановления, в армию призывают, надеюсь, для тебя не секрет, Костя.

– Да уж какой секрет?... – вздохнул тот.

– То-то и оно... Служит наш мальчик первый год. Это, скорее всего, прошлогодний осенний призыв. То, как солдатики просят милостыню, явно знает не понаслышке. Значит, бывал в увольнении. Стало быть, и присягу уже принял. До принятия ее увольнений вроде бы не должно быть, это надо проверить, или их посылают «деды» насильно, устраивают им самоволку. А попадешься – сам виноват. А где можно не

попасться? Только в большом городе или крупном населенном пункте, в котором, или возле которого, и расположена воинская часть. Там, дальше, есть и еще одно указание, мы дойдем до него.

– Давай-давай, Саня, ты интересно рассуждаешь, – подбодрил Меркулов.

– Дальше тут о вранье... Ну, это не его, скажем так, слова, а того, либо той, – из «доброго мира». Пресса и все прочее... Обобщения, выводы, осуждение и так далее. «От президента до... барышника из военкомата». Между прочим, о последних лучше всех знают именно солдатские матери, «отмазывающие» своих сыночков. Это тоже, кстати, говорит в пользу женщины-корреспондентки... Ну, способы пыток – это точно личный опыт, такого из головы не придумаешь. Особенно потрясает, лично меня, «однослойная фанера». Это ж какой изощренный выдумщик сочинил – специально для «салаг». Образ!.. А вот и еще одна «наколочка». Торговцы-азики на базарах... Нет, на рынках. Базары – это на селе. А у нас однозначно – город. Азики – это азербайджанцы. Прапорщики сдают им внаем солдат, это известно. И что солдаты дома генералам строят – тоже мы знаем. Как бы министр и иже с ним не утверждали обратное. А где это происходит? Там, где контроль полностью отсутствует. Потому что было по этому поводу возбуждено уже немало уголовных дел, и военное начальство все-таки побаивается гласности в этом вопросе. Опять указание на город, причем, крупный,

где контроль слабее всего. Ну, например, та же Москва. Точнее, Подмосковьё, все эти Мытищи, Подольски, Наро-Фомински, Кубинки, Можайски и прочие.

– А почему, например, не Дальний Восток? – возразил Костя.

– Ты опередил меня. Я тоже хотел сказать: либо какая-нибудь российская окраина. Скажем, Чита или Хабаровск. Вот уж там – самому приходилось не раз наблюдать в командировках – простор для разгула офицерского самодурства... Хотя, если в наличии имеются торговцы-азербайджанцы, приходится принимать Москву, либо там Санкт-Петербург. В более мелких городах, по-моему, азербайджанцы все-таки не держат рынки под своим контролем. Но тоже надо проверить... И, наконец, последнее, главное. Второе письмо у мальчика, либо у нашей корреспондентки, по всей видимости, уже готово. Но тогда чего они оба ждут? Когда его забьют вконец? Или это шантаж уже не мальчика, а той женщины? И вот что непонятно, если они хотят помощи, а не общих криков в Интернете, то почему нет адреса? Почему тут сохраняется какая-то, совершенно ненужная и даже вредная для их общего дела, тайна? Напрашивается вывод, что все это придумано, все – чистая туфта, к которой так и следует относиться. Или письмо только пишется, а угроза в данном случае вполне реальная – с указанием точных адресов и фамилий... Впрочем, возможно, наша парочка еще рассчитывает на немедленную военную реформу в армии, после ко-

торой все их претензии к командирам, прапорщикам и старослужащим солдатам отпадут сами по себе. Наивный вариант. Но – кто знает?...

– И к чему, по-твоему, мы должны прийти?

– Военная прокуратура расследует? Вот и пусть дальше старается, это ее епархия. И пусть не твой генеральный со всеми министрами и правительством, а уже сам президент берет письмо под свой контроль. Ну, не сам, конечно, полно народу и в Администрации. А я бы не стал вмешиваться до тех пор, пока нам не станет известен адресат. И если парень к тому времени будет жив, в чем я, кстати, почти не сомневаюсь, вот тогда по фактам, изложенным в письме, можно возбуждать уголовное дело по факту злостной клеветы на доблестную российскую армию со всеми вытекающими из него последствиями. Но это – опять же прямое дело военной прокуратуры. И тогда твой генеральный начнет гонять тех, кто к нему ближе. То есть, сам понимаешь. А если б я по дури влез в это дело, он бы стал уже по привычке гонять меня, а мне это нужно? Не-а, мне это не нужно. Вот мой ответ.

– Ну что ж, меня уже радует пока одно то, что ты сказал «нам станет известен». Не мне там, или тебе лично, а нам. Значит, еще не все потеряно.

– Костя, не занимайся демагогией. «Нам» указывает всего лишь на двоих, беседующих в кабинете зама генерального прокурора, знакомых юристов. Я просто не хотел тебя обижать, сказав «вам». Но можешь понимать именно так.

Турецкий недовольно поморщился, будто нечаянно сам свалил на свои плечи неблагодарное и муторное дело. Пусть занимаются те, кому это положено. Нет уж, лучше следить за неверными женами и мужьями, в этих заботах хоть кровью не пахнет. А супружеская измена – штука еще, по-своему, и веселая, если смотреть на нее без предубеждения. Ничего, как-нибудь прокормится агентство «Глория».

– Послушай меня, Саня, – сказал таким тоном, словно пришел к какому-то твердому и окончательному решению, Меркулов. – Мне понятны твои сомнения. Твое нежелание связываться с этим непростым и, честно говоря, неблагодарным делом. У меня, не скрою, тоже имелось немало сомнений, прежде чем я решился позвонить тебе вчера. Но тут такая ситуация. Ты можешь мне не верить, но те дамы, про которых я говорил, ну, из Комитета солдатских матерей, между прочим, поинтересовались, чем занимаешься именно ты. Я рассказал, они очень огорчились, что ты не в Генеральной прокуратуре...

– Костя, не вешай мне лапшу.

– Да-да! Можешь не ехидничать, – повысил он голос, увидев реакцию Турецкого по поводу Генпрокуратуры, – я им честно признался, что был просто вынужден лично подписать приказ о твоей временной отставке на период лечения. Если ты согласишься лечиться, но я, увы, пока этого не вижу, что меня огорчает... Дослушай, наконец! – уже почти закричал он, потому что Саня возмущенно и протестующее вски-

нул руки и попытался встать. – Я тебе говорю, что они поняли. Более того, они даже предложили, если ты согласишься, устроить тебя в их реабилитационный центр. У них и такой есть. И врачи там – классные. Но я объяснил, что ты вряд ли согласишься. И тогда они умолили меня, в свою очередь, упросить тебя включиться в расследование фактов по этому письму. Все, что я мог сделать, это пообещал им поговорить с тобой. Не больше, успокойся. Думаешь мне великая радость каждый раз выслушивать твои бесконечные обиды? Одним словом, я тебе передал их просьбу, а ты поступай, как знаешь... Но могу сказать искренно, они почему-то абсолютно верят в твое всеисилие, что ли... Не знаю, как и называть... Если не веришь, я тебе дам их телефоны, визитные карточки, позвони и убедись сам.

А тебе, кстати, в любом случае придется связываться с ними. Ну, в том случае, если ты возьмешься, примешь их настоятельную просьбу. Причем, именно к тебе, а не к кому-то другому. Будешь работать в частном порядке, но поддержка и помощь Генеральной прокуратуры тебе обеспечена, в этом я готов тебе свое слово дать. Если это устроит...

Меркулов покопался в бумажках на столе и достал несколько визиток. Турецкий заметил это и сказал:

– Не торопись, я еще ничего не решил. И вообще, мне нужно с Ирккой посоветоваться. Мы с ней отдохнуть хотели. Я еще не придумал, куда мы отправимся, но, совершенно определенно, я отвезу ее к морю. Вот.

– Не ври, – парировал Костя. – Мы говорили о том, чтобы наших жен вместе отправить на курорт.

Я уже провентилировал, такая возможность есть: место отличное, тихое, и obsлуга на высшем уровне. Мне, кстати, эти дамы и подсказали.

– Ну, обложили, смотрю... Но я так просто не сдамся!

– Вот и славно, – будто обрадовался Меркулов. -

Я понимаю твои сомнения. И то, что дело придется иметь с армией. Вернее, с ее оборотнями. Но тебе, Саня, не впервой, ты умеешь обращаться с этой публикой. А еще хочу сказать вот что. Военная прокуратура, я имею в виду Федоровского, поручила разбираться Паромщикову, ты помнишь такого?

– Кажется, Игорь Исаевич? Полковник юстиции?

– Ну вот, вы уже и знакомы!

– Напротив, Костя, если знакомы, то не хорошо, а плохо.

По-моему, это упертый пень. Не знаю твоего мнения. Но мы вряд ли сработаемся. Так что ищи того, кто сможет взяться за это неблагодарное дело.

– А зачем еще кого-то искать? Я позвоню Степану Серафимовичу и предложу ему вариант сотрудничества с частным охранным предприятием, то бишь с тобой. Только дурак в их подвешенном положении откажется. Разве не так? Но только и ты уж постарайся не конфликтовать. И попрошу их знакомить тебя с их материалами, ну и ты – соответственно. Какие проблемы?

– Да, вот как раз главной проблемой я и называю то, что для тебя не представляет никаких проблем. Все это пустое сотрясение воздуха, Костя. Ничего они показывать не станут. Хотя могут и пообещать, ты ж все-таки зам генерально-го, Федоровский – тоже, вы с ним в одних чинах. Но у них, тем не менее, своя епархия, и клали они на... нас. – Он подумал, прежде чем произнести «нас», а не «вас». – Нет, Костя, не договоримся. Ищи послушного. Вон, Сашку Курбатова возьми, он их всех своей массой задавит.

– Курбатов в Питере, расследует... а! Твои старые связи, кстати, использует. Ты, что ль, ему передал?

– Ну, а кто же? – самодовольно ответил Турецкий. – Сашка ж не виноват, что вы свои собственные лучшие кадры совершенно не цените!

– Ну, ты, лучший кадр, помолчал бы уж! А мне, я уже говорил тебе, нужен следователь, формально не имеющий отношения к Генеральной прокуратуре, пойми, упрямая голова! Кстати, Вячеслав, – вдруг, без всякого перехода продолжил Костя, – кажется, понял, что его добровольное изгнание становится ему самому помехой. Так что, считаю, пришло время вам перекинуться мыслями – по-дружески. Да и тебе, чтоб характер смягчить, – тоже бы на пользу. Позвони ему. А мне все-таки перезвони где-нибудь... завтра, что ли, лучше в первой половине дня, ладно? Ну, раз ты ни чая, ни кофе не желаешь, тогда на сегодня свободен. Иди, не мешай работать...

Последняя фраза была настолько привычной в устах Кости, что у Сани мелькнула странная мысль, будто ничего в его жизни не изменилось, просто куда-то мелькнули месяцы, годы, и за дверью кабинета его ожидает истомившийся от нетерпения Славка Грязнов, и Костя только делает вид, что сердится, а сам через полчаса закроет папки и заглянет в его кабинет, где уже заметно припахивает разлитым по рюмкам коньячком и нарезанным лимоном...

Махнув рукой, Турецкий рассмеялся, и вот так, громко смеясь, вышел из кабинета Меркулова.

В приемной было несколько незнакомых Александру посетителей. Те воззрились на него с недоумением, но Турецкий, не переставая смеяться, лишь слегка утишив смех, махнул рукой секретарше Лауре, мол, прощаюсь без всяких обид, – и пошел к выходу.

Оно, конечно, сомнение – дело полезное, на ней, говорят, вся мировая философия держится. А вот в практической, повседневной жизни оно, может, и уместно, если только кратковременное, но чаще всего – дело безнадежное, ибо слишком долгое сомнение обычно называют иначе...

Глава четвертая

БРОДЯГА МАКС

Старый тезис, напоминающий теперь анекдот, но при этом являвшийся вполне реальным газетным заголовком в начале шестидесятых годов прошлого века: «Если делать, то по большому», – был, по-своему, программным в практике Турецкого. Другими словами, все, за что ты берешься, даже вопреки собственной воле, выполняй со всей ответственностью и полной отдачей. Или не берись, не сотрясай напрасно воздух. Есть в этой фразе, конечно, скрытый, подпольный смысл – и уж, во всяком случае, не для дамского общества. Обязательно поймут превратно, а ты потом доказывай, что имел в виду совершенно иное...

Так объяснял Саня Славке суть идиотски построенной веселыми газетчиками фразы. Еще в прошлом веке и объяснял. Грязнов, помнится, гоготал, вникая в подтекст и принимая фразу на вооружение. И частенько после, в различных компаниях, тот козырял тонким знанием предмета. Особенно, перед собственными сыщиками, в МУРе.

Вот и сейчас они, находясь за добрые десять тысяч верст друг от друга, хохотали, вспоминая прошлое. Ну, пусть не десять, поменьше, однако все равно далеко. Даже зная, трудно себе представить, спасает воображение фраза «на краю света».

А разговор этот был нужен Турецкому, может быть, больше, чем Вячеславу Ивановичу. Над тем ведь не капало. Ну, затосковал, так от этого еще не умирают. Можно ж и на побывку прилететь, чтоб душу отвести. А Славка не хотел, словно занимался мазохизмом. Вот уже и Костя «вспомнил» о «добровольном изгнаннике». И не в том суть, что Грязнов как бы сам себя наказал, терзаемый чувством вины за гибель племянника и Санино ранение. Это ведь по его с Костей настоятельными просьбам повезли Турецкий с Денисом подарки в детдом, где террористы решили совершить свою подлую акцию. И вот теперь это чувство вины и держало Славку в уссурийской дали. Душу лечил, понимаешь ли, среди зверушек – тигров там всяких и бурундучков, что кедровыми орешками питаются. На которых и Славка такие настойки делал!

Саня, было дело, летал к другу. Местный самогон пили, настоянный на диких таежных травах, корешках, ягодах и орешках, закусывали жареной и копченой дичиной. Турецкий видел, что Грязнов, несмотря на собственное изобилие, уже томится вынужденным самоизгнанием, и ему нужен стоящий аргумент для отказа от добровольного отшельничества. Но тогда ничего порядочного под рукой как-то не находилось. А сейчас Александр вдруг почувствовал, как тяжело ему без поддержки и совета друга. Ну, не с Ирккой же, в самом деле, обсуждать вопрос – браться за это неблагодарное и неприятное расследование или послать их всех? Мол, здоровье дороже... Пока еще этот аргумент действовал, но

уже давал и сбои.

Передавать суть беседы с Костей по телефону на Дальний Восток Турецкий, конечно, ни за что бы не решился. Но намеками все-таки изложил Грязнову смысл нового дела, – они же всегда понимали друг друга и с полуслова, разжевывать ничего не требовалось. Да к тому же Славка прекрасно знал эту свое-образную публику из военной прокуратуры: команду МУРОм, частенько «пересекался» с ними, если в преступлениях фигурировал хотя бы один военнослужащий. Впрочем, у Александра хватало и собственных знаний. Но, тем не менее...

Вячеслав и в прежние годы жил по принципу: «Где наша ни пропадала...», а теперь, как говорится, сам Бог велел быть фаталистом. Он и ответил в этом смысле. Но при этом Александр заметил, что гораздо больше Вячеслава озаботило – или показалось? – известие о том, что «Глория» без своего отца-основателя и главного нервного возбудителя не то, чтобы захирела, зачахла, нет, дела есть, клиенты посещают, и неплохо, но... крылья как-то опустились, что ли. Словно увядать стали. Интерес пропадает – плохой признак. Опасный симптом. И это обстоятельство, кажется, нашло в его душе отклик. Уже неплохо – для начала. Теперь остается только постоянно подливать... чего там? Водички, маслица или спиртику? Ближайшее время и покажет, важно, что Славка забеспокоился всерьез. А беспокойство у него – всегда первый стимул к активному действию, такая уж она – специфика

ческая, «сыщицкая» порода!

Но больше всего Турецкого обрадовал бодрый голос Грязнова. Не было в нем ни прежней тоскливой сентиментальности, ни покорности судьбе. Он просто сказал в конце телефонного разговора:

– Берись, Саня. Это дело по своей раскрутке – не на два дня. А там, глядишь, и я подъеду, если чего...

Вот так и решились сразу два вопроса.

Турецкий уже поздним вечером позвонил Косте, возможно, разбудив его. Во всяком случае, голос у Лели – супруги Костиной, был похож на сонный, однако отказать Сашеньке она не могла, и Меркулов взял трубку.

– Ну, чего тебе не спится? – не слишком дружелюбно спросил он.

– Если тебе наплевать на то, чем живут и о чем думают твои друзья, я могу и положить трубку. Пожалуйста, очень надо, понимаешь!

– Эй, ты чего?! – всполошился Костя, очевидно, проснувшись окончательно. – Говори, я слушаю. Решил?

Ну да, у него же теперь одно в голове.

– Как тебе сказать? Я был в сомнениях, но вот Славка, кажется, убедил, что нам, в смысле, нашему агентству, стоит взяться, может, и отчасти исключительно ради поддержания престижа «Глории». Вот, мол, военная прокуратура обделается, а мы, как обычно, справимся. Нам же это – семечки. Мы любим мутные и трудноразрешимые задачи. Да к тому

же, говорит, если возникнут заторы, я сам немедленно подъеду и – разберемся. Не знаю еще, можно ли ему верить, вот я и подумал, что, по моим подсчетам, ты его лично знаешь где-то на шесть или семь месяцев дольше, чем я, и решил посоветоваться. Тебе ж известно, что я по утрам не люблю беспокоить людей... – Он услышал, как крикнул Костя и продолжил: – Да и вроде не так поздно еще, детское время. Как считаешь?

– Вот же босяки! – хриплым со сна голосом рассмеялся Меркулов. – Да, конечно, не можно, а нужно. Молодец, Саня... Между прочим, Саня, с Федоровским я сегодня успел переговорить. Объяснил ему о твоей миссии – в частном порядке. Скажу откровенно, реакция была неоднозначной. Но я постарался убедить его, что уже само по себе участие в расследовании Александра Турецкого придаст этому процессу дополнительный вес, ибо имя следователя, как известно, у президента на слуху, а тому наверняка придется отвечать всяким писакам на их нахальные и каверзные вопросы. Вот и аргумент дополнительный. Мол, лучшие силы привлечены, так сказать. Неплохо придумано, а, Саня?

– Аргумент, конечно, просто нет слов... Особенно – продажные писаки.

– Я не говорил «продажные»! Не передергивай!

– Но подумал. Я же тебя тоже знаю. Как ты – Славку. Мы ж без стереотипов – никуда... Ладно, было бы на пользу. А он-то чем ответил на твой пассаж?

– Ответил, что готов принять тебя прямо завтра с утра. Где-нибудь в начале одиннадцатого. Позвони и уточни. А позже встретиться с тетками из Комитета. Я не думаю, что они могут передумать. Но если начнут торговаться, немедленно перезвони мне, что-нибудь придумаем.

«Значит, не все так у Кости просто и однозначно, – подумал Турецкий, положив трубку. – И этот Комитет – тоже контора неоднозначная. Надо будет попросить Макса залезть в Интернет, в их файлы, сайты всякие там и выяснить, что представляет собой этот Комитет солдатских матерей... Или, как их – Союз комитетов? Наверняка, материалов навалом. И сделать это надо пораньше, прежде чем ехать к главному военному прокурору...»

Поставив перед собой такую задачу, успокоенный Александр Борисович отправился спать. Правда, тот же Славка посоветовал в конце разговора не сильно торопиться, если у друга Сани еще есть сомнения с принятием решения, а вернуться к вопросу утром. Утро вечера мудренее, – так говорят. Но практика показывала Турецкому, и не раз, что продуманные с вечера решения, как правило, утром уже не терпевают изменений. И, тем не менее, – мало ли что?

...Спал он хорошо, и, встав рано, стараясь не разбудить жену, которая засиделась допоздна, листая какие-то книжки, учебники и руководства, – это она была озадачена мужем по вопросу психического здоровья автора письма в Интернете, – уехал в «Глорию», решив там же и позавтракать.

В смысле, попить кофе с какой-нибудь «жвачкой», которую собирался купить по дороге. Надо же и Макса чем-нибудь накормить.

Обычно Макс – он же Максим, компьютерный бог детективного агентства «Глория» – обходился литрами кофе из постоянно фырчащей кофеварки и бесчисленными пакетами с чипсами, сухариками и прочими хрустящими предметами, типа сушек с маком. Эта пища поддерживала в нем дух. А тело этого огромного, заросшего дикой бородищей монстра требовало, естественно, более калорийной пищи. И Макса подкармливали все сотрудники агентства. Кормили ненавязчиво, сваливая готовые уже продукты, либо полуфабрикаты, в холодильник. Но готовить Макс не любил, и этим приходилось заниматься другим, а вот съесть, к примеру, здоровенный круг сухой колбасы, какой-нибудь «одесской», это он мог, причем, даже и не замечая самого процесса поедания – как бы между прочим. Вот такой странный человек. По-своему – гений. Ну, бог, и все этим сказано. На его помощь, в первую очередь, и рассчитывал Турецкий, прекрасно зная, что ни в МВД, даже в их замечательном Управлении «К», ни уж, во всяком случае, в военной прокуратуре, никого подобного Максусу нет. А раз нет, значит, и приоритет, в любом случае, остается на стороне «Глории».

Кстати, еще работая в Генеральной прокуратуре, Александр Борисович постоянно пользовался помощью Макса в самых трудных и, казалось, порой неразрешимых ситуаци-

ях. И никогда не знал отказа. Ибо залезть в чужие файлы, будь то высокая государственная организация или суперзащищенная от взломов коммерческая структура, и покопаться там, добывая коллегам необходимую для очередных исследований информацию, была для него задачей интересной и, естественно, решаемой. Иных вариантов он просто не признавал.

«Борода», и он же – «Бродяга», сидел со своими компьютерами в темной комнате, защищенной со всех сторон от прослушивания – таков был порядок в «Глории», установленный еще покойным ныне Денисом, – и со всех сторон доносился шорох вентиляторов. Иначе здесь просто нельзя было бы дышать. Кофеварка, естественно, фырчала. Еще слышался хруст, это крепкие челюсти Макса перемалывали довольно крупные сушки. Значит, чипсы закончились, а он так и не покидал помещение. Наверное, и спал сегодня здесь, большое кресло было разобранным, а простыня, которой накрывался Макс, смятая так и лежала на полу, как упала, когда он поднялся. Странный человек, но такой уж... Гении – они все в чем-то чумовые. А Макс несомненно был гением в своем деле.

Турецкий разглядел в полутьме, как заблестели глаза Бродяги, когда на стоящий рядом с ним столик легли пара свежих, мягчайших белых батонов и целлофановый пакет с нарезанными пластинами ветчины. Он услышал так же, как громко сглотнул Макс, беря в руку батон и сходу откусывая

приличный кусок, вслед за которым где-то в отверстии посреди бороды исчез и немалый пласт ветчины. Бродяга считал, что резать продукт перед употреблением, значит, безнадежно портить его, и потому предпочитал откусывать, отрывать, отгрызать от целого. И если бы здесь лежала не порезанная ветчина, а целиком весь свиной окорок, не исключено, что Макс начал бы с него, подобно Гаргантюа. Наверное, ему было чрезвычайно приятно питаться именно таким вот образом. Ну, конечно, ведь потом в бороде остается такое обилие прекрасных крошек, которые так приятно стряхивать на отвороты своей куртки и выдающийся живот, – прямое следствие, как он утверждал, сидячей жизни. Впрочем, другой Макс и не знал.

Притом, нельзя было бы даже и предположить, что человек умирает с голоду, – холодильник в холле был постоянно набит продуктами, и с тем же постоянством пополнялся всеми сотрудниками – по мере поедания содержимого. Но дело было в том, что к холодильнику надо было вставать и идти, потом смотреть, что подходит в пищу в данную минуту, думать, что чему предпочесть, ибо уже сам процесс выбора иногда ставит человека в тупик, заставляя его терять драгоценное время на какую-то чепуху. И еще, не дай, Господь, готовить! А тут вопрос решен изначально, и в этом для Макса был вполне приемлемый, а главное, очень удобный выход. И тот, кто так поступал, то есть брал на себя решение этой трудной проблемы, был душевно близок компьютерно-

му Бродяге. И если тебе сделали добро, причем, сознательно, значит, и ты должен соответствующим образом ответить.

Именно по этой причине, не переставая жевать, Макс умудрился ртом, полным пищи, произнести сакраментальную фразу, которая прозвучала так:

– Шо на...га? – то есть, «что надо?», и тут же засунул в рот новую порцию батона, переложив его ветчиной.

Александр Борисович всякий раз наблюдал с интересом и, как обычно, не мог сдержать усмешки.

– Кофе есть? – спросил он.

Не отвечая, Макс ткнул толстым пальцем в сторону кофеварки. Надо сказать, что кофе у него было отменным. Александр Борисович налил себе большую чашку, отломил от второго батона кусочек и кинул на него кусок ветчины, – вот, собственно, и весь завтрак интеллигента.

Макс понял, что работа есть, но не торопился.

А Турецкий, покончив с кофе, начал неторопливо излагать суть своей нужды. Заодно вытащил из кармана и положил на клавиатуру перед Бродягой копию солдатского письма, размещенного в Интернете. Макс тут же бегло прочитал его и отодвинул в сторону. Зачем ему бумажка, если он сейчас же выведет оригинал на одном из своих мониторов. Их тут, кстати, целая дюжина – компьютеров последнего поколения. На них Макс щедро тратил фактически всю свою немалую, надо сказать, зарплату. Покупал, один зная, где можно достать какие-то запчасти, все время что-то усовер-

шенствовал, менял, и в результате мог ответить на любой вопрос своих товарищей. Фанатик, одним словом.

Турецкий и Макс закончили фактически одновременно: Александр Борисович – излагать свою нужду, а Бродяга – жевать. Теперь можно было и поговорить.

– Значит, задачу уяснил, – сказал Макс. – Данных никаких, кроме... Ну, это уже мое дело. Не очень трудное, но хлопотное. Долгое. Сейчас задам программу машинкам. Сегодня? Вряд ли. Утром завтра. Но мыслю так, что если он не сам посылал, придется тебе, Сан Борисыч, билеты покупать.

– В смысле куда-то ехать?

– Страна большая, – Макс почесал бороду и невразумительно повел плечами. – Посмотрим...

На данный момент Турецкому все было ясно: Максиму необходимо время. Немного, хотя бы сутки, но... там видно будет. И время пока было, торопиться все равно некуда. Еще главный военный прокурор впереди, следовательно военной прокуратуры, который, по словам Кости, уже больше недели назад принял на себя расследование. Вот с этим, последним, могли возникнуть проблемы, основанные исключительно на единственном, определяющем противоречии – непонимании друг друга. Ну, и, само собой, на скрытом противоборстве прокуратур, хотя официально этого порока просто не могло быть, потому что не могло быть никогда. Исчерпывающий логический постулат.

Глава пятая

ФЕДОРОВСКИЙ

Как вспоминал Турецкий, Игорь Исаевич Паромщиков, полковник юстиции и «важняк», был уже десять лет назад совсем не молод. Значит, сейчас ему должно быть где-то совсем близко к шестидесяти.

В генералы выйти не успел и, похоже, уже не светят ему широкие погоны. И это обстоятельство является несомненным пунктиком в характере. Что еще? Мужик он упертый, если в чем-то уверился, танком не сдвинешь, в житейской диалектике не разбирается. Точнее, на дух ее не принимает. Это – большой минус. Надо все же уметь успевать вовремя пересматривать свои взгляды и выводы, когда они исходят не из твоих моральных убеждений и принципов, а диктуются вновь открывшимися фактами в расследованиях, что – увы! – происходит сплошь и рядом.

Еще что подбрасывает память? Кажется, он верный семьянин с кучей детей. Но по какому уголовному делу пришлось Александру Борисовичу входить в непосредственный контакт с Паромщиковым? Никак не вспоминалось. Наверное, потому, что было давно, в прошлом веке – это определено. А вот фамилия его позже мелькала частенько. И не всегда с положительным знаком. Ну, конечно, «упертость» – далеко не лучшая черта характера и не всегда украшает

человека. Особенно, облеченного заметной властью. Очень даже не всегда...

Но если ты ставишь перед собой совершенно конкретный вопрос, от которого зависит и твое собственное ближайшее будущее, память начинает работать вдвое скорее. Вспомнилось и дело, о котором думал Турецкий.

Оно было связано с Западной Группой Войск, в тот славный период, когда советские воины в надраенных сапогах, парадным шагом и с кислыми лицами, под оркестры, лихо исполнявшие «Прощание славянки», покидали Европу, в частности, Германию, возвращаясь на Родину, – которой они не были нужны, и которая по этой причине и не ждала их. Сволочное было время, тяжкое для очень многих. Разваливалась страна, рушились судьбы. И на этом мутном фоне разворачивалось повальное воровство. И не только на родине. Несчитанное имущество в группах войск, находящихся за границей, оказалось несметной кладовой для жуликов. Крали все – кто больше, а кто меньше, но чаще. Генералы хапали одноразово, но по-крупному, делая себе настоящие состояния. Офицеры помладше, прапорщики и прочие – помалу, но постоянно, торопясь успеть до ухода из насиженных мест, и, главным образом, то, что плохо лежало. А хорошо не лежало ничего. Словом, под шумок шло почти официальное повальное разворовывание бесценного государственного имущества. Крали и продавали направо и налево недвижимость и «движимость» – дома, казармы, склады, танки,

самоходки, машины, оружие, горючее, медикаменты, одежду, – что ближе под рукой оказывалось. Списывали новейшее, годное, действующее оружие, как металлолом, перепродавали остающимся хозяевам, которые были не прочь погреть руки на этой бесовской распродаже, разрезали и отправляли в переплавку, уничтожали, лишь бы следов откровенного воровства после себя не оставить. И все это знали, и поначалу даже не собирались ловить воров за руки. Потому что каждый имел с этого преступного процесса свой процент. И уж если высшие государственные лица, высшие правительственные чиновники, которые вмиг, что называется, на глазах у изумленной публики, обозначили себя предпринимателями и сколотили миллиардные состояния, требовали, чтобы им «отстегивали» определенный процент за вынесение запрашиваемых решений и принятие выгодных постановлений, то что же было говорить о фигурах поменьше? Обо всех любителях «мерседесов», «новорусских» замков вдоль Рублевского шоссе, заграничных вилл и многомиллионных счетов в западных банках? А возмущение обнищавшего народа, – как ни ссылайся на всяких Карамзиных, – в массе своей все-таки не приготовленного, не приученного еще к тотальному грабежу и воровству, – его к делам не пришьешь.

Так вот, в этой тяжелейшей атмосфере, когда просто руки опускались, а армейское руководство смотрело на представителей прокуратуры, требовавших неукоснительного со-

блюдения законности и примерного наказания виновных в разбазаривании государственной, в данном случае – армейской собственности, как на личных врагов, этот самый «упертый» Паромщиков стоял камнем и не поддавался ни просьбам, ни угрозам. А угрожали не какие-нибудь пешки с разбойничьими ухватками, а сами господа генералы. И физическую силу применяли, и к «стенке» ставили, и клеветой пытались уничтожить. Но ведь, тем не менее, удалось тогда несколько уголовных дел довести до суда. И помешать оправданию. Какие бы мощные силы и в Германии, и в Москве, в так называемом, Арбатском военном округе, ни противостояли прокуратуре. Даже, помнится, пару генералов посадили-таки, – как говорится, не благодаря, а вопреки. Капля в море на фоне «большого базара». И все-таки... Да, было дело, работали рука об руку. Но потом что-то развело. Или – развели? И такой период в жизни Отечества «проходили»...

В любом случае, надо нанести визит. Но только после Федоровского. Высокий начальник должен высказаться по поводу возмутительного факта публикации в Интернете «провокационного» письма. Иначе как же военным понимать, да и принимать, сей факт? Иначе они должны были бы полностью расписаться в своем вранье и абсолютной служебной импотенции. Естественно, а как же иначе? Небось, главный военный прокурор уже и приличный втык схлопотал от собственного «боевого начальства». Ну, и пошло-покатил-

лось сверху вниз, как снежная лавина в горах.

Конечно, с Федоровским лучше бы встретиться после Комитета солдатских матерей, но – не получится, Костя уже договорился, значит, надо соответствовать.

И вот еще что. Одно дело, если бы Александр свет-Борисович все еще состоял в первых помощниках генерального прокурора, берущего расследование под свой контроль, а другое дело, когда тот же самый Турецкий выступает в роли частного детектива. Одна надежда оставалась на то, что Федоровский – все-таки приличный человек – в смысле понимания ответственности...

К сожалению, Александр Борисович не был знаком с главным военным прокурором. Тот откуда-то с юга прибыл в столицу и стал быстро подниматься по служебной лестнице уже тогда, когда «некто Турецкий» «парился» в госпитале... Так что о каком-то, даже шапочном, знакомстве речи вести не приходится. Одна надежда, что хоть слухи доходили до него. Все-таки узок круг революционеров, как говаривал, помнится, классик марксизма-ленинизма...

Но предубеждение Александра Борисовича быстро рассеялось, едва он вошел в приемную главного военного прокурора, и подполковник юстиции в форме, взглянув на удостоверение Турецкого, предложил присесть, а сам удалился в кабинет шефа, и, почти тут же выйдя, спокойным жестом пригласил пройти к Федоровскому. Без волокиты и подозри-

тельных взглядов? Странно. Но чего ни бывает в жизни!

На вид, вроде нормальный мужик, худощавый, высокого роста. Глаза умные, взгляд спокойный. Степан Серафимович привстал и протянул руку. Все-таки Турецкий был не в форме, а в обычной одежде, и честь двухзвездному генералу юстиции ему отдавать не было необходимости.

– Мне Константин Дмитриевич уже изложил свою просьбу, так что я – в курсе. Какие у вас вопросы, Александр Борисович? – спросил прокурор, не заглядывая в свои записи. Значит, запомнил, как зовут. Или знал, что было бы лучше.

– Собственно, вопросов особых нет, Степан Серафимович. Мне сказали, что следствие поручено старшему следователю по особо важным делам Паромщикову? – Турецкий вопросительно посмотрел на Федоровского.

– У вас имеются возражения? – усмехнулся тот одними губами.

– Ну, что вы, напротив. Я помню Игоря Исаевича по делу ЗГВ. Но не уверен, что он помнит меня. Давно было, в середине девяностых. Мы тогда, на мой взгляд, плодотворно поработали. Только объ-екты внимания у нас с ним были разные. Он занимался потрясающими финансовыми махинациями с армейским имуществом, – там же, по-моему, счет шел на сотни миллионов. А у меня было возбуждено дело о самоубийстве офицера из штаба группы войск. Грамотно подставили мужика и шлепнули, посчитав, что сбросили концы в воду. Отчасти мы с Паромщиковым пересекались, так ска-

зять, поэтому и были в курсе дел друг друга. У него, я запомнил, крепкий характер, неуступчивый. Впрочем, именно такой там, в его положении, и был необходим.

– Это плохо? – поднял брови прокурор.

– Напротив, мне как раз он тогда именно этим, по-моему, и понравился. Имею в виду качества характера. Я думаю, уступи он хоть на йоту, преступники запросто ускользнули бы. Слишком заметными фигурами практически все они были в ту пору. И слишком сильное давление постоянно оказывали на следствие из Москвы. Вплоть до погонь и наемных киллеров. Правда, тогда этот термин, кажется, еще не был в ходу.

– Я в курсе, – несколько сухо вато подтвердил прокурор. – Мне одно не совсем понятно, Александр Борисович... Если дамы из Комитета солдатских матерей обратились к Меркулову, а не к нам, что было бы логичнее, да?... – он сделал короткую логическую паузу, и Турецкий воспользовался ею:

– Если позволите, я выскажу свое мнение по этому поводу, но, извините, слушаю вас, Степан Серафимович.

Прокурор задумчиво поиграл бровями, как бы оценивая сказанное, и продолжил:

– Хорошо. То чем, какими причинами тогда вызвано обращение Меркулова именно к вам, то есть в частное агентство?

– Я подробно не обсуждал этот вопрос с ним, потому что и сам удивился. Но точка зрения Константина Дмитриевича,

как я понял, такова, что, вероятно, Генеральной и главной военной прокуратурам не совсем, скажем так, к лицу дублировать и как бы проверять друг друга, извините за прямоту, на вшивость, – Турецкий непринужденно хохотнул. – В то время как посторонний человек – назовем его, скажем, Турецким, – вполне способен оказывать посильную помощь следствию, имея при этом в виду своего клиента, который также рассчитывает на объективное и честное расследование. Кое-кто у нас считает, и, возможно, не без основания, что, если частному сыщику заплатить, то и его расследование будет объективнее того, которое проводит официальное лицо. Я эту точку зрения не разделяю, но... тем не менее, она существует. Единственная польза в этом смысле, по-моему, заключается в том, что при подобном раскладе пресса, как правило, шумит меньше. А это уже плюс. Так что особого противоречия я здесь не нахожу. А теперь, если позволите, отвечу на ваш вопрос по поводу Комитета. Как ни горько говорить об этом, но у этих дам, как вы их называете, уже сложилось свое, определенное мнение о методах действий, я бы так выразился: некоторых военных прокуроров. А ведь они, эти солдатские матери, мы можем честно констатировать, не всегда бывают неправы, не так ли? Если отбросить в сторону чрезмерную эмоциональность и определенную заикленность в убеждении, что их – матерей – постоянно дурят на всех уровнях, начиная с военкоматов и вплоть до... высших военачальников. Мы разве не знаем о размерах взяток для

«отмазки» сынков от армии? Возможно, они еще и поэтому смогут более спокойно и объективно отнестись к тем фактам, которые получают из рук частного, то есть как бы независимого сыщика. Я ж ведь официально отправлен в отставку по состоянию здоровья, и возраст совсем не пенсионный, что при желании кто-то вполне может рассматривать и как способ расправиться с неудобным системе сотрудником.

Турецкий откровенно улыбался, словно приглашая прокурора разделить его точку зрения. Но Федоровский только хмыкнул и покачал головой. Не то с осуждением, не то с пониманием – вот так, из стороны в сторону.

Затем они поговорили о самом письме, опубликованном в Интернете, о реакции на него многочисленных посетителей сети. Об озабоченности в Министерстве обороны, правительстве и прочем. Официальная точка зрения, личная точка зрения, – что между ними общего, в чем расхождение... Беседа была спокойной и тактичной, без искусственных обострений и подковырок. Все-таки опытные люди сидели, взвешивали свои соображения.

Затем Федоровский, словно нечаянно оговорившись, сказал, что трудности в расследовании данного дела несколько преувеличены, по его мнению. Он не хотел утверждать, но предполагал, ибо еще не располагал самыми последними данными, что у следственно-оперативной бригады, возглавляемой полковником юстиции Паромщиковым, уже имеются некоторые подвижки, но обсуждать сейчас этот вопрос в

отсутствие руководителя бригады, он, Федоровский, не считает уместным и своевременным. Тем более что времени с начала расследования прошло еще совсем немного. Однако все понимают особую ответственность момента, и искусственно затягивать следственный процесс не собираются. Последнее утверждение, конечно, было приятным известием для Александра Борисовича, ибо он и мысленно, и словесно придерживался той же точки зрения. Другими словами, в этом пункте он полностью сходиллся во мнениях с главным военным прокурором.

Ну, дипломаты, да и только! Предположения, обкатанные фразы, расшаркивания...

Что ж, подвижки – оно, конечно, очень хорошо, но Александра Борисовича интересовало, насколько сам Паромщиков готов был поделиться этими своими сведениями. Все-таки официальный статус частного сыщика Турецкого, какими бы устными полномочиями ни наделял его Меркулов, практически ни к чему не обязывал официального представителя военной прокуратуры. Вот если бы раньше! Когда он сам был при погонах... Да и то... как посмотреть...

– Ну, что ж, – сказал, наконец, Федоровский, грамотно игнорируя намеки своего собеседника, и тем самым словно бы переадресовывая его к своему подчиненному, – будем надеяться, что вы вспомните прежние времена и поработаете с Игорем Исаевичем дружно, как когда-то.

Потом он еще немного помолчал, будто оценивая резуль-

таты своей беседы с Турецким и собираясь суммировать собственные соображения для подведения итога, о котором Александр Борисович вполне мог информировать Константина Дмитриевича Меркулова, не высказывая при этом недовольства по поводу тех или иных, якобы не решенных у руководителя военной прокуратуры, вопросов. Напротив, полное единство мнений.

Ну, правильно, они ж – дипломаты.

– А, в общем, знаете ли, Александр Борисович, я с вами согласен. Мы до сих пор никак не можем наладить с этим материнским Комитетом толковый деловой контакт. И вместо взаимопомощи и взаимопонимания мы чаще встречаем абсолютное неприятие. Причем, изначально. А это неправильно. Мы стараемся не отступать от закона, но ведь и к каждому солдату не приставишь по офицеру, а дело воспитания воина – длительное и хлопотное. Не у всех хватает терпения. Да и желания.

– И совести, – добавил Турецкий, словно в раздумье.

– Полностью солидарен с вами. Полагаю, было бы чрезвычайно полезно, если бы вам, Александр Борисович, удалось каким-то образом вот так, в доверительном тоне, затронуть эту тему при разговорах с вашими «клиентками», – он усмехнулся. – Честное слово, взаимная конфронтация ничего хорошего не обещает и ни к чему положительному не приведет. Надо избавляться от нее, идти навстречу друг другу. В том плане, как и вы, если я вас правильно понял, собира-

етесь работать с Паромщиковым.

– Вы абсолютно правы, Степан Серафимович, – честно подтвердил, возможно, и несколько преждевременный тезис прокурора Александр Борисович, ибо по поводу Игоря Ис-аевича никакой ясности в мыслях у него еще не было. Сам же он, отвечая, в данном случае не лукавил, потому что начинать с конфронтации мог бы себе позволить лишь тот, кто собирался провалить дело в самом начале. То есть, загубить его на корню. А такой задачи Турецкий ставить перед собой не собирался: любить, так любить, стрелять, так стрелять, как поет питерский бард, который очень нравится Александру Борисовичу. Вот из этого и надо исходить.

Судя по тому, как прокурор пожал, расставаясь, руку посетителю, можно было предположить, что он остался доволен встречей. А если у Федоровского и были какие-то, вполне, впрочем, справедливые опасения, что Генеральная прокуратура засылает к нему своего «казачка» с неким дальним прицелом, то бесхитростные и искренние ответы Турецкого наверняка его успокоили на этот счет. И слава Богу. Дипломатический прием закончился.

Ну, а теперь оставалось надеяться, что сам Федоровский и сообщит Паромщикову о своем – чем же еще? – решении относительно роли Турецкого в расследовании дела, которое взял под собственный контроль сам министр, и неизвестно еще, кто будет следующим «контролером». Надо же – какой-то солдатик, а столько шума!

Глава шестая

ВАЛЬКИРИЯ

Паромщикова в его кабинете не было. Куда-то отбыл. Вероятно, по делам, связанным с письмом, так полагал Турецкий. Ведь чтобы начать расследование, которое и покажет, по признакам каких статей будет возбуждено уголовное дело, требуется найти адресата. А где он, этот парень? В какой воинской части служит? Откуда призывался? Сплошные вопросы.

Довольно милый женский голос, узнав, кто звонит и по какому поводу, сообщил, что Игорь Исаевич, вообще-то говоря, должен подъехать с минуты на минуту. Но затем у него будет обед.

Да, конечно, дисциплина – прежде всего, здесь, как ни крути, та же армия.

Турецкий поинтересовался, с кем он беседует, и узнал, что на его вопросы отвечала помощница Паромщикова, лейтенант юстиции Алевтина Григорьевна Дудкина.

«Вон как, – подумал Александр Борисович, – это, наверное, как та, что у меня когда-то была, – Лиля Федотова, которую мы потом вместе со Славкой выдали за генерала, аж самого заместителя министерства внутренних дел. Рисковая была девушка, уже почти из-под венца, что называется, в одном неглиже, готова была выскочить, лишь бы Сашенька

пересилил себя и произнес только одно короткое словечко: „Да“. Но Сашенька отшутился, и девушка с безутешными слезами на глазах быстро превратилась в генеральшу.

Впрочем, тот зам. министра, как позже выяснили, оказался совсем неплохим мужиком, и чувства его вполне заслуживали уважения, да и Лиля скоро пересмотрела свое отношение к этому браку, в котором личная месть, острое желание отомстить, – мол, ты не захотел, и вот тебе за это! Еще позавидуешь, да будет поздно! Локти кусать станешь! – короче говоря, вся эта водевильная страсть уступила место нормальному человеческому взаимопониманию. И так бывает в жизни...

Но Паромщиков-то уже не в том возрасте, вроде бы... Хотя, кто их, военных, знает! Интересно посмотреть. Игорь-то, кажется, мужик был, в ту пору, десять лет назад, ничего, хоть и не молодой, – по сравнению с сорокалетним Турецким, полным сил и непреходящих желаний, – но и не отвратный внешне. Поэтому он вряд ли взял бы к себе в помощницы какую-нибудь страшилку. Вот и голосок у нее тоже ничего, приятный... Как там у Ирки, в «Гнесинке», говорили: с богатыми обертонами! Что-то вроде этого. И потом, надо отдать справедливость, молодая девица в форме, – а что молодая, ясно, она же еще лейтенант, значит, недавно выпустили из института, – всегда выглядит куда предпочтительнее своей ровесницы с равными внешними данными, это – факт... Очень интересно...»

Но – к делу.

Наверное, кадры из соответствующего спецуправления Министерства обороны уже задействованы, нацелены на поиск. Однако ясности у них в деле пока нет, иначе бы и Федоровский уже был в курсе. Хотя он и намекал на какие-то подвижки. И тут тоже возможны два варианта ответа, как в телевизионных играх. Либо он действительно что-то уже знает, но темнит, чтобы выгоднее подать свою службу, либо ничего не знает, и темнит именно по этой причине, чтобы придать, опять-таки, своей службе большую значительность.

«А не может ли быть еще и третий вариант? – задал себе вопрос Турецкий. – Времени с момента появления солдатского письма в Интернете прошло немало, неделя или что-то около того. Очередная кампания, считает главный военный прокурор, по дискредитации Российской армии, – а тут, как ни крути, иначе ситуация и не выглядит, – уже развернулась в мировой сети вовсю. Послания сыплются на сайт Союза комитетов солдатских матерей России отовсюду, в том числе, из-за рубежа, подписанные и без подписи, полные гнева, возмущения и самых разных советов, вплоть до отказов служить и дезертирства. А подключить меня к расследованию Костя решил только сейчас. Чем же было вызвано столь длительное раздумье?»

И приходил к выводу, что, скорее всего, виновато разгильдяйство, то есть обычное российское отношение к собственному бытию: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». И

вот грянул. А креститься разучились. Или еще не научились заново. И растерялись. Но, по идее, русский мужик только запрыгает медленно, если барин не прикажет или не устроит на конюшне показательную порку, а поедет-то он всегда быстро. Значит, жди с минуты на минуту гневного оклика сверху, и машина тут же закрутится. Причем так, что успевай только следить, чтоб не полетели «клапана и вкладыши».

Александр Борисович не ставил свою работу в зависимость от того, нароют что-нибудь армейские спецы. Ему и собственного Макса было на первый случай вполне достаточно. А Макс не любил, когда его погоняли, он сам все знал и умел, поэтому и за этот участок Турецкий был спокоен. Оставались частности, в которых ясность пока не просматривалась. Серьезные, между прочим, частности.

Во-первых, сильные сомнения у него оставались по поводу авторства письма. Все никак не выходил из головы его же собственный разговор с Костей в его кабинете накануне. Александр перечислил несколько пунктов – что-то около восьми, по которым у него возникали сомнения в авторе при первом чтении. И он продолжал думать на эту тему. А утром, решив себя проверить, перед уходом из дома оставил на столе распечатку письма. Ирина возвратится после своего пробега по магазинам, правильное, наверное, сказать – по шопам, – шопинг же! – и обязательно сунет нос в этот документ. Ну, и тут же в ней проснется здоровый интерес – это бесспорно. Разговор мужа с Костей она, естественно, слыша-

ла и знает, о чем речь, Александр, кажется, и сам ей что-то говорил. Следовательно, когда муж вернется домой, супруга, облеченная некоторыми знаниями в криминалистике и психологии, наверняка будет уже готова к предметному разговору. А то она обижается, что ее Шурик не дает ей возможности проявить себя в розыскной деятельности. Вот и проявляй!

Во-вторых, тот же Макс, как бы походя, подкинул идею на счет командировки. Ну, конечно, воинская часть, откуда пришло письмо, может быть расположена, где угодно. И ехать наверняка придется. Значит, для полного душевного спокойствия надо бы Ирку все-таки отправить с Костиной Лелей куда-нибудь отдохнуть. Конечно, будет немедленно высказан официальный протест, но пережить такую конфронтацию нетрудно. Правильнее всего поручить миссию по уговорам самому Косте.

Далее, надо установить постоянный деловой, чисто рабочий контакт с солдатскими мамами.

Почему-то вместе с этой мыслью возникла другая, несколько, прямо сказать, посторонняя, хотя и имеющая непосредственное отношение к первой: а, между прочим, среди активных солдатских матерей, «кучкующихся» вокруг комитетов, – у них же в каждой губернии теперь имеются свои региональные отделения, – значит, надо полагать, есть и очень интересные экземпляры этой особой женской команды. А иной солдатской матери еще и сорока не исполнилось.

Зато энергии – как в горячей и необузданной юности! Так что... Ох, Турецкий! Ты неисправим... О другом думай! О том, что с Иркой в кои-то веки контакт, наконец, достигнут. И порядок в семье восстановлен. Ну, и соответственно... полегче, полегче...

Так вот, третий вопрос – это конкретно Союз комитетов солдатских матерей России. Дамы там будут, пожалуй, по-серьезнее военного прокурора, с ними приятной беседой не обойдешься, они будут требовать, чтобы ты играл только в их игры, и ни в какие другие. И если станут тебя проверять, – а они и не преминут, поскольку давно уже никому не верят, – одними обещаниями от них не отделаешься.

А, с другой-то стороны, кто кому нужен? Они чего требуют? Расследования! Вот и пусть, – как обычно говорят: «Из собственной шкуры вылез»? – ну да, вот и пусть вылезают, а мы посмотрим, как они выглядят а-ля натурель. Если действительно хотят помощи, а не очередной крикливой и бес-толковой кампании для прессы.

Поймал себя на том, что стал вроде бы цитировать и Костю, и этого Федоровского, доверяясь их мнению, хотя самому ни разу еще всерьез не приходилось выходить на контакт с Комитетом солдатских матерей. Неужели на поводу у обывательской точки зрения пошел? Это нехорошо... А, в общем, взаимопонимание и доверие должны быть установлены обязательно. Это – кроме шуток.

Ну, и последний, – какой он там по счету пункт? – это

Паромщиков. Если у них с самого начала установятся, как когда-то, нормальные рабочие отношения, добровольно портить их, объезжая «важняка» на кривой козе, Турецкий не собирался. Другое дело, если некоторые выводы, касающиеся отдельных частных, могут стать разными, так это – не трагично. Можно и договориться, и понять друг друга.

Итак, что на повестке? Комитет или помощница?

Размышлял недолго: перевесила помощница. Ибо от нее не только в данный момент, но, возможно, и в ближайшем будущем, в гораздо большей степени может зависеть успех расследования.

Почему именно от нее? Так эта материя тонкая, только настоящий специалист и поймет. Дело-то ведь у нас – прежде всего. А там, где воображение подсказывает, что девушка, непосредственно относящаяся к этому делу, еще и красивая, вообще, не о чем спорить. Прямая же взаимозависимость...

По правде говоря, девушка может быть и не очень красивой, но тогда необходимо ей просто доказать, что она ошибается, и тогда ты тем более – в дамках...

Если бы душевное состояние человека можно было точно определить с помощью нормального термометра, который ставят больным под мышки, то, окажись такой в настоящий момент у Турецкого там, под этим делом, ртутный столбик немедленно рванул бы вверх, до упора.

Ну... уже сказано о том, что военная форма, как и любая, сшитая по фигуре, форма вообще, сразу предопределяет яв-

ное и поголовное предпочтение зрителей-мужчин к ее «носительнице», – выразимся так.

На этой девушке форма с погонями сидела так, будто она прямо так и родилась в ней.

Турецкий вежливо назвал свою фамилию, и когда девушка почему-то вдруг встала, он едва слышно охнул. Вероятно, охнул бы и громче, если бы в маленьком «предбанничке» они оказались вдвоем. Но перед нею на стуле сидел какой-то хмурый майор и неохотно отвечал на незначительные, видимо, чисто формальные вопросы девушки, то есть, пардон, лейтенанта юстиции, которые она заносила в протокольный лист. Чтобы не травмировать самолюбие младшего юриста Алевтины Григорьевны, Александр Борисович предложил, что ему, наверное, удобнее подождать в коридоре, пока она не освободится.

Но помощница следователя сказала, что они уже заканчивают. Александр Борисович перенес стул от стенки к окну и сел сбоку от девушки, чтобы видеть ее всю, от изящной туфельки на шикарной, очень грамотно оголенной ножке до тяжелой связки рыже-золотых волос, схваченных такими специальными пружинными грабельками, как он называл это приспособление для удержания причесок. У Ирки было похожее, но только дорогое, из черепахового панциря. В свое время из Штатов привез. А этот краб, похоже, пластмассовый. Ну, и что? Подумалось, что Грязнов, окажись тот сейчас на его, Санином, месте, упал бы в обморок. Сердце этого

когда-то рыжего человека начинало судорожно колотиться и бухать, подобно большому барабану, уже при одном только намеке на рыжую красавицу.

Да, эта девушка была тем классическим образцом женщины, от которого всегда «плыл» Славка. Как говорил известный ослик, – любимый размер, имея в виду исключительно внешние данные...

А та девушка – почему-то в памяти она так и осталась Славкиной девушкой, хотя тот был единственным, кто потерпел фиаско, – тоже была юристкой, но только начинающей. Еще училась и работала секретаршей в какой-то важной конторе, окна которой выходили как раз на место совершенного преступления, между прочим, в двух шагах от Красной площади. Она видела происшедшее, поэтому они со Славкой и нашли эту единственную свидетельницу. Точнее, нашел-то ее как раз Славка. А дальше... О, это была поэма! Но – драматическая. Девушка оказалась не настолько уж и наивной, как думалось сначала, зато щедрой до изумления, и вскоре с удовольствием дарила наслаждение всем, кто мечтал его получить с такой красавицей. Турецкий тоже «отметился», хотя тщательно скрывал свой непростительный грех от друга. А единственный, кто тогда действительно остался с носом, был Славка, глупый влюбленный. Как же он переживал! И ведь сам виноват, не надо было читать ей лекций по оперативной работе, от которых она буквально засыпала перед ним и тут же теряла всякий интерес к своему настыр-

ному, но незадачливому лектору.

Нет, окажись Грязнов сейчас здесь, в обморок он, конечно, не грохнулся бы, но что за сердце схватился бы – это точно. Алевтина Григорьевна была невероятно, как сестра-близняшка, похожа на ту Танечку, так ее, кажется, звали... Стыдно, забыл такую девушку! Да какая там девушка, теперь ей поди уже далеко за тридцать, и где она? Может, счастлива с кем-то, дай ей Бог...

Алевтина Григорьевна тем временем закончила беседу с майором, – вероятно, это был все-таки допрос свидетеля, так понял Турецкий. Подобные допросы или какие-то незначительные уточнения в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, нередко проводятся формально, что называется, для галочки. Майор расписался на нескольких листах и ушел, простившись кивком.

Александр Борисович не стал пересаживаться на его стул. И когда помощница предложила ему пересесть поближе, он с улыбкой отказался. На ее наивный вопрос: почему? – ответил, так же улыбаясь, что тогда он лишится возможности лицезреть истинное чудо природы, облаченное в одежды восхитительной валькирии. Compliment мог бы показаться несколько сомнительным, но девушка, видимо, знала, кто такие валькирии, ну, а «чудо природы» говорило само за себя, поэтому ее славное личико, усыпанное кокетливыми веснушками, зарделось, и она... потупилась!

«Боже мой! – едва не воскликнул Турецкий. – Еще живут

на свете... м-да...»

– И как вам тут? – спросил он, кивая на кабинет начальника.

– Работа... – она, словно беспомощно, развела руками, показывая, что имела в виду обыкновенную рутину.

– Надоели грибы, – с пониманием покивал Турецкий.

– В каком смысле? – не поняла она, и светлые бровки ее сдвинулись, образовав восхитительную вертикальную черточку на чистом лбу.

Это развеселило Александра, и он снова кивнул в сторону двери кабинета. И она вмиг поняла, рассмеялась – звонко и непосредственно.

– А как ваша фамилия? – спросил он просто так, без всякой цели.

– Дудкина, а что? – она как будто насторожилась.

– Ничего, просто жаль, – мгновенно отреагировал Турецкий.

– Почему? – вот тут уже возникло непосредственное удивление.

– Гораздо лучше, если бы – Дудочкина, – нашелся он. – Так и хочется в руки взять.

Она хитро «стрельнула» в него сощуренными глазами и помолчала, словно оценивая сказанное. Но у Турецкого было такое лукавое выражение на лице, что она поняла сказанное, как дружеский розыгрыш, и снова весело рассмеялась.

– А можете мне ответить, почему вы встали, когда я вошел

и представился?

– Так я сразу же поняла, что вы тот самый...

И Игорь Исаевич ведь говорил, что вы должны прийти. А я... растерялась.

– Я такой страшный? Опасный?

– Что вы! Как раз наоборот! – с жаром воскликнула она и смутилась. Или ловко сыграла красивое смущение.

– А что означает ваше – тот самый?

И тут девушка стала рассказывать, что он – Александр Борисович – был тем легендарным для нее, вчерашней студентки, следователем, на примерах расследований которого она и постигала не только мудрость юридической науки, но и высокий смысл своей будущей профессии. Она училась думать, как он, искать доказательства, как он, вообще, поступать, как он. Это произносилось ею с неподдельным, искренним пафосом, продиктованным, разумеется, неожиданной встречей. Она-то ведь считала, что ему, по крайней мере, если не сто, то не меньше восьмидесяти лет. Это ж Турецкий! А он – вон какой!.. Совсем, оказывается, молодой еще...

Да, будь Турецкий попроще, у него бы пошла голова кругом от стольких дифирамбов. Но многое из сказанного он уже слышал, и не раз, а ко всему остальному был почти равнодушен. Единственное, пожалуй, что действительно горячило его кровь, так это ее просто поразительная притягательность и еще – искренность, с какой было высказано удивле-

ние, что он еще так молод, – тут Александр Борисович не ошибался, уж отличать блеф от правды он давно научился. А потом еще очень хотелось верить этой славной девушке. Хотелось, в самом деле, взять в руки эту прекрасную «дочку» и, образно говоря, извлечь из нее прекрасную мелодию... Нет, наверное, еще приятнее гладить эту очаровательную ножку или сдуть золотистые волоски маленькой челки со лба, или прикоснуться губами к нежным веснушкам на щеках. Ну, прямо черт знает что! И не то, чтобы влюбился с первого взгляда, – такое случается в жизни, уж он-то знал, – но сейчас почувствовал вдруг какое-то просто невероятное влечение, необъяснимую тягу к этой девушке с сияющими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.